

Идрис Шах

Учиться как учиться

ЭННЕАГОН ПРЕСС

Идрис Шах
Учиться как учиться.
Психология и духовность
на суфийском пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51828559

*Учиться как учиться:
ISBN 978-5-91051-051-1*

Аннотация

Идрис Шах, Великий шейх суфиев, писатель и ученый, родился в Симле (Индия) 16 июня 1924 года, в выдающейся Хашимитской семье, чья родословная и титулы восходят к пророку Мухаммаду, что подтверждено и засвидетельствовано докторами исламского права в 1970 году. Шах – автор двадцати книг, переведенных на двенадцать языков и выпущенных более чем в сорока пяти изданиях по всему миру. Тематический материал этих книг охватывает путешествия, библиографию, литературу, юмор, философию и историю, но их автор наиболее известен своими работами в области суфийской мысли, в форме, применимой к культурам как Востока, так и Запада. Полный спектр его деятельности осветить невозможно: он был советником ряда монархов и глав государств, членом-основателем Римского клуба, директором по

науке Института культурных исследований, членом правления Королевского гуманитарного общества Королевского госпиталя и Дома неизлечимо больных, активно участвовал в ряде программ гуманитарного и научного направления. Он награжден Удостоверением заслуг международного словаря биографий за выдающееся служение человеческой мысли. Умер в Лондоне 23 ноября 1996 года.

Содержание

Об авторе	5
Введение	8
Начало к Началу	19
1	27
Суфии и их имитаторы	27
Достижение Знания	36
Тайны и суфии	52
Когда имеет смысл встречаться	55
Потолок	62
Противоречивые тексты	71
Самообман	74
Путешествия на Восток	77
Как выглядит суфийский учитель	82
Книги и за пределами книг	87
Святость	94
Тайное	99
«Нельзя учить по переписке»	105
Предпосылка к «смирению»	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Идрис Шах

Учиться как учиться

Об авторе

Идрис Шах, Великий шейх суфиев, писатель и ученый, родился в Симле (Индия) 16 июня 1924 года. в выдающейся Хашимитской семье, чья родословная и титулы восходят к пророку Мухаммаду, что подтверждено и засвидетельствовано докторами исламского права в 1970 году. Шах – автор двадцати книг, переведенных на двенадцать языков и выпущенных более чем в сорока пяти изданиях по всему миру. Тематический материал этих книг охватывает путешествия, библиографию, литературу, юмор, философию и историю, но их автор наиболее известен своими работами в области суфийской мысли, в форме, применимой к культурам как Востока, так и Запада. Полный спектр его деятельности осветить невозможно: он был советником ряда монархов и глав государств, членом-основателем Римского клуба, директором по науке Института культурных исследований, членом правления Королевского гуманитарного общества Королевского госпиталя и Дома неизлечимо больных, активно участвовал в ряде программ гуманитарного и научного направления. Он награжден Удостоверением заслуг международного

словаря биографий за выдающееся служение человеческой мысли. Умер в Лондоне 23 ноября 1996 года.

**Да послужат вам предупреждением
неудачи других людей, чтобы им не
пришлось учиться на ваших неудачах**

Саади, «Розовый сад»,

13 век

**Когда верблюды наших усилий увяз в грязи,
не все ли равно – далеко или близко
до цели? – Устад Халилуллах Халили**

«Четверостишия»,

1975

**Этот мир не имеет бытия, он лишь
аллегория: от края до края его
великолепие – только фарс и игра**

Шабистари, «Тайный сад»,

13 век

Введение

Как только в 1964 году появилась книга Идриса Шаха «*The Sufis*» («Суфии») стало очевидно, что эта работа, сразу ставшая классической по данной теме, знаменует появление живого образца учения, который время от времени объявляется, предлагая суфийский Путь в новых формах, соответствующих современным потребностям. Ибо суфизм – не изучение прошлого или поклонение средневековым святым: он всегда был и остается эволюционным по духу и действию. Великие суфийские классики Среднего Востока были когда-то вызывающе самобытны в своих прозрениях и информации, и это уже само по себе равносильно шоку для людей с ограниченным кругозором.

Идрис Шах предложил нам много книг, весьма многогранных, подобно самому суфизму: от переиздания суфийской классики до шуток из насредининовской коллекции, университетских лекций, традиционных историй, пересказанных заново свежим отточенным языком. «*Учиться как учиться*» и другие книги, над которыми Шах сейчас работает, прокладывают, в современной форме, путь в неизведанную область, где мы лицом к лицу сталкиваемся с величайшими проблемами: какова природа человека, как понимать наше поведение, организации и культуры. Шах неспроста называет антропологию и психологию *младенческими* на-

уками, ибо, утверждает он, мы едва начали использовать эти инструменты.

Сейчас уже никого не удивляет, что в новейших достижениях физики используются те же понятия и тот же самый язык, что и в традиционном мистицизме. Это общее основание, это расширение границ традиционно изолированных областей позволяет ввести новый оригинальный образ мышления в психологию, антропологию, религии, эзотеризм. Шах намерен способствовать их пересечению. Сам он предлагает суфийский подход и, более того, делает доступным для нас фонд знания, информации. Еще при нашей жизни мы увидим, и уже видим, ростки нового процесса, – наши ученые, обычно более молодые, в силу своей большей гибкости, приходят к Шаху с вопросом: «Владеете ли вы чем-то таким из наследия суфийской традиции, что может представлять практическую ценность для нас, современных исследователей, что мы, возможно, просмотрели или о существовании чего даже не подозреваем?» Я видела, как это происходило: простой вопрос открывал новую область.

Разве не стоит затратить какое-то время, чтобы рассмотреть, как так случилось, что ценнейшие материалы из сокровищницы информации, результаты многовековых исследований и искусной практики могли использоваться столько времени, а мы даже не допускали возможности их существования? Я не говорю о «тайнах Востока», понимаемых как нечто среднее между шаманством и застольным спиритиз-

мом, – что Шах отвергает как «треп, дрожь и ужас». Путешественники на мистический Восток были всегда. «Скажите мне, Мастер, что есть Тайна?», «О, ты хочешь Тайны, дитя мое, не так ли? Хорошо, стой неделю на голове и повторяй вот такую мантру...» Однако и те из нас, кто пытался подойти к суфизму через предлагавшиеся на Западе стереотипы, почти всегда проходили через подобный опыт и должны были перерасти именно это – обусловленность нашего мышления. Фактически же Восток предлагает нам не волшебство и не мистику, а подход к человечеству – как к отдельным индивидам, так и к органичному целому, – по своей изощренности значительно превосходящий наши науки с их концептуальными горизонтами и достижениями.

Как же так получилось?

Одна из причин состоит в том, что наша культура отнюдь не такая уж продвинутая, открытая новым идеям, как мы себе представляем. Представители других культур, всегда умевшие проникнуть в суть чужого общества, – хотя поначалу их всегда принимают в штыки, – судят о нас иначе.

В глазах сторонних наблюдателей мы во многих отношениях связаны по рукам и ногам. Сейчас мы с легкостью говорим о высокомерии Запада и только начинаем понимать свою ограниченность. Однако процесс этот медленный: если иметь в виду Ближний Восток и Центральную Азию, нам все еще приходится преодолевать последствия подозрительности к ужасным сарацинам, насаждаемой веками. Как и

прежде, она действует отупляющее на нашу культуру и служит причиной поистине комических явлений: от фанатизма и невежества относительно ислама до наивного изумления по поводу того, что, скажем, символы, принятые в астрологии для обозначения планет, – Марса, Венеры, Меркурия и т. д. – не что иное, как буквы арабского языка, известные каждому, кто знает арабский язык. Мы же приписываем им удивительное происхождение. Крошечный, даже нелепый, пример из огромной, неизведанной области. Но почему же она не исследуется?

Можно снова и снова бормотать о самодовольстве Запада, но вот еще одна сфера, где реально сталкиваешься с ним. В качестве примера Шах ссылается на нашу уверенность в том, что именно на Западе были впервые выдвинуты некоторые психологические идеи. Однако «открытия» Фрейда и Юнга можно найти у Аль-Газали и Ибн ал-Араби, умерших в двенадцатом и тринадцатом столетиях, и у других великих мыслителей тех времен. (Юнг признавал, что многим обязан Востоку. Разве не удивительно, что его ученики не проявляют интереса к тому, что еще можно найти на Востоке?) Эль Газали много писал об обусловленности: в те времена, как и теперь, суфийские учителя стремились освободить людей от социальных и религиозных догм. Что случилось со всем этим опытом? Его использовали. Его усвоили целители ума, души, тела; на нем строили, его развивали... Однако мы, на Западе, все еще отрезаны от него и будем отрезаны до тех

пор, пока серьезно не задумаемся о наших интеллектуальных клише.

Другой пример: мы рассказываем самим себе о разнообразии и богатстве нашего языка. Но на самом деле английский язык обедняется, в нем отсутствуют необходимые нам слова и понятия. Любой писатель, который пытался описать определенные процессы и переживания, сталкивается с этими ограничениями. Существуют способы обойти их (один из них – аналогия), но проблема остается. Горсточка жалких, затертых терминов: бессознательное, душа, дух, коллективное бессознательное, сверхум, эго, суперэго, подсознание, паранормальное, экстрасенсорное восприятие, сверхъестественное – и очень скоро увязает в песке. Нельзя использовать эти слова для выражения «свежих» переживаний, новых идей, потому что каждое перегружено нежелательными ассоциациями. Однако другие языки не столь скудны, их слова не так перегружены. Нет, я не пытаюсь умалить достоинства английского языка или превознести другие языки из любви к сравнению, а просто хочу указать на факт, требующий признания, потому что крайняя нужда в чем-то, если она осознана, может быть удовлетворена. И я надеюсь на это. Между тем данный процесс продвигается с большим трудом. Я, мягко говоря, не лингвист, но даже поверхностное знакомство с персидским языком говорит о нашей страшной ограниченности. Персидский язык – язык культуры, где определенные виды духовности были в обращении на протяжении

столетий. (Появление маниакального фанатика, подобного Хомейни, не перечеркивает сказанного.) Мои друзья, изучающие «примитивные» культуры и знающие язык американских индейцев или некоторых африканских племен, говорят, что эти языки также хорошо оснащены понятиями, отсутствующими у нас. Наш язык, вероятно, лучший инструмент для описания технических процессов, пока технику сводят к механике, но стоит подойти к границам сознания и...

Существует еще одно, подобное Гималаям, препятствие, которое мы едва ли учитываем. Вот уже две тысячи лет Запад находится под гнетом страшной тирании – христианской религии. (Я отдаю себе отчет, что здесь читатель улыбнется, подумав рассеянно: «Ну, это девятнадцатый век».) Но с исторической точки зрения это было совсем недавно. Я застала людей, подвергшихся осуждению Церкви, когда они всего лишь осмеливались усомниться в незыблемости веры и догм в пользу агностицизма. Жены и мужья оставляли их, они теряли работу, подвергались общественному ostracism, от них отрекались семьи, и они отправлялись в колонии. Там я их и встречала в детстве. Сегодня Церкви предстали в новом облики, вполне благожелательном и кротком, а священники – то ли в роли социальных работников, то ли добродушных задир, которые улещивают людей, пытаясь навязать им идеал духовного возрождения (что называется «родиться заново»), убеждают присоединиться к чему-то и т. п. Однако на протяжении двух тысяч лет на нас были надеты

смирительные рубашки и малейшее неповиновение жестоко каралось. Неповиновение Лютера было ограниченным. Он говорил: «Я настаиваю на праве говорить с Богом прямо, без посредничества священников». Он не говорил: «В течение тысячелетий в этом мире были люди, обладавшие методами и информацией, позволяющей посвященным использовать эти инструменты для достижения состояния ума и духа, о котором Церковь не имела понятия». (Однако здесь мне придется пояснить, что суфизм уважает все религии, говоря, что в основе каждой из них лежит Истина. Разоблачать же следует только тирана, благосклонного или злобного.) Но вот что интересно: как так получилось, что мы, наши ученые, понимая, какому идеологическому внушению подвергалась культура на протяжении двух тысячелетий, оставляя без внимания воздействие данного фактора на человеческое мышление? А ведь его влияние никуда не исчезло, что становится вполне очевидным, стоит нам только задуматься об этом. Так до сих пор некий запрет, церковное табу, глубоко пропитавшее человеческие умы, не дает нам мыслить в определенных направлениях, скажем, спросить себя: а чем на самом деле занимались и о чем думали Иисус и его спутники? (Суфии считают Иисуса одним из подлинных Учителей человечества, чье послание было уничтожено религиозными институтами.)

Подобная установка на *запрет* может действовать в умах ученых так же сильно, как и в умах любых других людей.

Возможно, отрывочно и неадекватно, но я здесь очертила серию клише и препятствий, по милости которых мы находимся в ментальной тюрьме. Суфии говорят, что мы живем в такой тюрьме и что их цель – дать нам все необходимое для нашего освобождения. Сегодня мы легко и даже охотно признаем, что в нас все *обусловлено*, но одно дело сказать об этом, другое – увидеть, *как* это происходит. Если мы хотим подступиться к суфиям, к их мировоззрению, необходимо проглотить неприятный факт: они считают нас отсталыми, неразвитыми, плохо информированными и примитивными существами с «закрытыми» умами, причем в тех сферах, где для нашего будущего так важно иметь открытый ум.

Между тем Шах чрезвычайно терпеливо отвечает на вопросы, которые ему задают, и продолжает ждать и надеяться, что вопросы станут более осмысленными, утонченными, основанными на лучшей информированности и понимании себя.

Он получает тысячи писем со всего света, ибо его работа в равной мере принадлежит Востоку и Западу, а о суфийском пути спрашивают люди от Афганистана до Калифорнии. Из этих вопросов и ответов Шах и составил настоящую книгу, она столь насыщена ценными мнениями и сведениями, что мне остается лишь одно: привлечь внимание к идеям, которые могут стать полезными отправными точками.

Внимание. Шах посвящает ему целую главу – настолько важным считает этот вопрос он, и настолько безразлично к

нему относимся мы. В нашем обществе нас не научили тому, что потребность во внимании столь же фундаментальна, как необходимость пищи, и мы продолжаем искать на ощупь, что могло бы утолить нашу жажду, вместо того чтобы научиться справляться с ней как с потребностью, утоляя ее спокойно и здраво. Мы даже распаляем в себе эту потребность во внимании, убеждая себя, что за ней скрываются поиски Бога, Любви, или Служения; мы не научились распознавать тот же самый стимул в других людях и в результате не понимаем, как они нами манипулируют и нас используют. Когда данный механизм попадает в поле нашего внимания и мы начинаем его изучать, кажется, будто с обычной жизни спадает пелена и мы становимся свободнее в своих действиях и выборе.

Знание, «Бог» как товар. Приученные к коммерции, к обладанию, желаниям, торговле, купле, продаже, мы именно с этих позиций подходим ко всему на свете, включая и то, что предлагает Шах. Однако «высшее знание» не предмет купли-продажи.

Использование литературы. Здесь Шах революционен. Суфии знают и используют множество приемов, в то время как мы полагаем, что существует лишь один. Наше обучение в школах и колледжах основано на упрощенных идеях, не учитывающих постоянно меняющееся состояние человеческого ума. «Мы, на Западе, требуем стандартизованного продукта, – говорит Шах, – вот что мы высоко ценим». Но стандартная массовая продукция не то, что интересует Шаха

или его помощников, которые обучают людей индивидуальными методами.

Человеческая группа – ее динамика. Психологи изучают этот предмет, столь важный для нашего общества и всех наших организаций. Здесь Шаху есть, что предложить; человеческая группа – это то, с чем работают суфии, и их умудренность далеко превосходит все, к чему мы только подступились.

Эмоциональность. Шах категорически утверждает, приводя в ярость приверженцев всех религий, что почти все, что мы претенциозно называем «религией», «высшими чувствами», «мистическим опытом», – всего лишь игра эмоций. Нас научили, что есть эмоции и интеллект, но не научили, что помимо них может быть что-то еще, отличное от них обоих.

Разоблачение иллюзий. Религии, культы, секты, «Бог» часто используются для удовлетворения властолюбия, а потребность в объединении эксплуатируется, чтобы предложить людям суррогат семьи и секса.

Как распознать лжеучителей и самозваных суфиев? Их число быстро растет, и они обманывают несчастных людей, которые могли бы уберечься, обладая они крупницей логического мышления и здравого смысла.

Много слов и понятий выпало из употребления. Читая эту книгу, мы вынуждены признать, что в нашей научно ориентированной, материалистической культуре такие слова, как «смирение», «гордость», «жадность», «любовь», «идолопо-

клонство», «милосердие», стремятся отнести к областям, помеченным как «религия» или «этика». Шах восстанавливает их, очищает от сантиментов и смутных переживаний и заново вводит в обиход — в качестве инструментов.

Отбросьте *почему* и ищите *как* — говорил известный исследователь и суфий Ричард Бартон. Что ж, эта книга о том, как мы, коллективно и индивидуально, можем учиться по-другому смотреть на себя и наши установления. И если иногда нам преподают нечто неожиданное и сбивающее с толку, то это тоже принцип великой традиции.

Дорис Лессинг

1980 г.

Начало к Началу

Вплоть до недавнего времени, как часто напоминают нам современные литераторы, психологи и растущее число тех, кто посвятил себя изучению человеческого сознания, суфизм был закрытой книгой для обычного человека. Его язык в той форме, в которой он был явлен в классических и специальных суфийских писаниях, казался почти недоступным. Востоковеды (более точно называемые сегодня специалистами по изучению азиатских и африканских наук о человеке) сохраняли почти полную монополию на информацию по этому предмету, и тем не менее можно было обнаружить, что и они расходились во мнениях относительно того, что такое суфизм, как и где он возник и что означали его учения. Некоторые деятели ислама были против него, другие видели в нем истинную сущность ислама. Среди исследователей, не принадлежавших к мусульманской традиции, одних он сильно привлекал, другие находили, что его учения на их вкус слишком ограничены культурными рамками.

Эта картина весьма драматично изменилась под влиянием печатного распространения очищенных от нравоучительного налета и многословия суфийских историй вместе с изучением суфийской психологической работы и, вероятно, более всего благодаря тому, что в данном материале многие люди увидели аналогии с социальными и культурными про-

блемами современности. Теперь уже практически все признают, что суфийские исследования и опыт последнего тысячелетия – одна из наиболее многообещающих областей в развитии понимания человека, подтверждающая его способности к восприятию сверхфизической реальности. Это признание суфийского вклада, однако, стало возможным лишь после того, как люди, главным образом на Западе, полагая, что можно развить более целостный подход к данному предмету, стали замечать совпадения в религиозных и психологических, эзотерических и культурных вопросах.

Между тем наиболее неповоротливые умы в науке все еще считают суфизм мистическим эзотеризмом; секты и восточные культы по-прежнему хотят сохранить вокруг него именно эту ауру; некоторые ученые желают установить монополию на суфийское наследие, утверждая, что лишь их толкования заслуживают доверия. Последние иногда доходят до смешного, подобно алхимику, который, не понимая химии, борется с ней как с еретическим новшеством.

Работа по выявлению многогранности и актуальности суфизма оказалась не столь уж сложной благодаря двум предпосылкам: свободе печати и растущей во многих культурах неудовлетворенности ограниченными и невежественными авторитетами. В сложившейся ситуации оставалось сделать только одно: привести цитаты из признанных суфийских источников и представить документы и учения, имеющие научный и религиозный интерес, а также продемон-

стрировать на основе того же материала, что психологические прозрения суфиев – источник непрекращающегося знания, чей уровень ничуть не ниже достижений современных исследователей человеческого сознания. Полезную роль сыграл еще один фактор: несколько бесспорно выдающихся психологов «открыли» для себя суфиев, и это наряду с существованием живой суфийской традиции, а не только без конца повторяющейся деятельности культового характера, подтолкнуло других исследователей к созданию в течение одного десятилетия материалов, подтверждавших многое из того, что относится к истинной природе суфийского наследия и его продолжающегося действия.

Кое-кто, конечно, возражал, говоря, что «популяризация» суфийской литературы может оттолкнуть многих людей от древних традиций и ценностей, которые, как считается, содержатся в суфизме. В действительности верно обратное. Как только публикации стали выходить одна за другой, даже традиционалисты и формалисты, не говоря уже о многих других – и на Востоке, и на Западе, – с воодушевлением приняли новый смысл этих материалов, так что число заинтересованных сильно возросло. Пренебрегать этими новичками из-за того, что не все они профессиональные востоковеды или сторонники культа (хотя многие являются и теми и другими), – значит, упустить из виду, что многие из них по меньшей мере столь же умны, хорошо образованны и потенциально полезны в области изучения человека, как и так на-

зываемые специалисты. «Что касается отрицательной реакции в некоторых кругах на недавние открытия, пролившие свет на сущностный суфизм, то можно только пожалеть, что за нею стоит достаточно примитивный и отупляющий фанатизм и узость, процветающие в сферах, где подобные качества пагубно сказываются на профессии ученых и не способствуют серьезному к ней отношению со стороны людей, чье уважение так много для них значит».

Говоря кратко, суфизм «достиг» умов тех, кто работает в более гибких и многообещающих областях современной мысли. Кроме того, он вошел в сферу опыта и интересов некоторых выдающихся современных деятелей во многих странах мира. Суфийское учение действует широко на стыке наук и в более общих дисциплинах как фактор, чье значение и вклад невозможно ни отрицать, ни приостановить. В результате все больше и больше людей готово изучать вечную истину, а не только ее локальные проявления и производные социологические формы, обладающие лишь антропологической ценностью.

Традиционно люди приходили к суфийскому пониманию с помощью метода вопросов и ответов. Далее мы предлагаем обзор материалов, полученных в процессе многочисленных бесед (общей продолжительностью в сотни часов), на темы, вызывающие сегодня огромный интерес у очень многих людей. В ста беседах содержатся ответы на вопросы, которые задавались снова и снова более чем в сорока тысячах писем

со всего света.

Хотя от суфийской мысли требовали, чтобы она была изложена лишь на языке привычных понятий и идиом местной культуры, настаивать на этом было бы несправедливо как по отношению к суфиям, так и по отношению к тем, кто способен у них учиться, ибо невозможно влить пол-литра в сосуд меньшей емкости.

Суфийские мысль и действие нуждаются для своего проявления и практического применения в особых формах: именно по этой причине в былые времена в некоторых освоенных областях суфизма учреждались и поддерживались собственные институты и учебные центры. Западная культура в ее нынешнем состоянии, сколько бы она ни пренебрегала развитием подобных форм для себя, значительно больше, чем прежде, способствует тому, чтобы человек принял в качестве гипотезы возможность существования такого вида изучения, которое представляется, концентрируется и распространяется через особые и специальные институты. Лишь когда мы встречаем людей, воображающих, что внешняя форма упомянутых институтов, подходящая для одного места и времени, годится также здесь и сейчас, и притом характеризует саму вещь, мы обязаны указать, что подобные мнения сами по себе ограничены и ограничивают нас. Те, кто их придерживается, становятся неспособными к пониманию по тем же причинам, которые помешали деревенскому простаку в известной суфийской истории насладиться и

утолить голод предложенной ему тарелкой жидкого супа, поскольку, по его мнению, «в любом супе должна быть гуща».

Один человек как-то открыл ресторан с хорошей кухней, привлекательной обстановкой и отличным меню.

Вскоре после этого его друг заглянул в ресторан и сказал:

– Почему у тебя нет вывески, как на всех других заведениях, где едят? Я предлагаю написать: «РЕСТОРАН: ПРЕВОСХОДНАЯ ЕДА».

Когда наконец вывеску изготовили и повесили, другой доброжелатель сказал:

– Вам надо быть более конкретным, ведь вы могли иметь в виду *какой-то* прежний ресторан. Добавьте слова «ОБСЛУЖИВАЕМ НА МЕСТЕ», и ваша вывеска примет законченный вид.

Владелец подумал, что это хорошая идея, и изменил вывеску.

Спустя какое-то время кто-то проходил мимо и сказал:

– Почему вы написали слово «НА МЕСТЕ»? Ведь каждому понятно, где именно.

Ресторатор снова изменил вывеску.

Другой прохожий спросил:

– Неужели вы не понимаете, что слово «ОБСЛУЖИВАЕМ» здесь лишнее? Понятно, что во всех ресторанах и магазинах посетителей обслуживают. Может, его лучше убрать?

Что ж, слово было убрано.

Однако вскоре еще один посетитель сказал:

– Если вы не уберете фразу «ПРЕВОСХОДНАЯ ЕДА», кто-то подумает: а действительно ли она такая превосходная? Найдутся и такие, кто не согласится с этим. Чтобы оградить себя от критики и разногласий, уберите, пожалуйста, слово «ПРЕВОСХОДНАЯ».

Так он и сделал. Теперь, когда на вывеске осталось лишь слово «ЕДА», в дверях показалась голова шестого любопытного прохожего:

– Почему у вас такая вывеска, ведь и так видно, что здесь подают еду.

Поэтому ресторатор снял вывеску. Сделав это, он теперь не мог взять в толк, когда же, наконец, к нему заглянет какой-нибудь голодный, а не любопытный или умник...

В этой истории, конечно, герою досаждают «люди рассудка» с их буквальным мышлением, как и для всех нас, интеллект для них играет важную роль. Однако пища, которую наш ресторатор пытается дать, – это «пища сердца»: в суфийском языке сердце символизирует высшие воспринимающие способности человека.

Современный суфийский поэт, профессор Халилуллах Халили, мой прославленный соотечественник, выразил это таким образом:

*В каждом состоянии Сердце – моя опора:
В этом царстве существования оно – мой повелитель.
Когда я устаю от вероломства Рассудка —*

Бог знает, я благодарен своему сердцу...¹

Идрис Шах

1978

¹ Персидские четверостишия Устада Халилуллаха Халили, на трех языках. Багдад: Ал-Мааруф Прес, 1975. С. 22, 23.

1

Реальная и воображаемая учеба

Суфии и их имитаторы

Вопрос: Как быть с имитаторами? Замечено, что с тех пор, как вы начали широкую кампанию по распространению суфийского знания на Западе, многочисленные маленькие группки выросли в крупные объединения и возникли совсем новые. Большинство людей считает, что это просто культы, а вовсе не суфийские группы.

Маленький мальчик и экзамен

Ответ: Это напоминает мне одну шутку. Рассказывают, что один мальчик на экзамене столкнулся с вопросом: «Что такое “испанка” и как с ней быть?» В своем ответе он написал: «Испанка² – это женщина испанской национальности, и с этим ничего не поделаешь!»

Это суфисты, а не суфии, и с этим ничего не поделаешь.

² В оригинале: «“What is rabies and what can you do about it?” He wrote as his answer: “Rabies is Jewish priests, and there is nothing you can do about it!”». (Примеч. перев.)

Меня, однако, заинтересовало таящееся в вопросе предположение: с этим действительно следует что-то делать или что-то *можно* сделать... Если мы попытаемся что-то с этим делать, мы рискуем привлечь большое число разочарованных бывших суфистов, и они, поначалу предвкушая, что мы можем дать им НЕЧТО РЕАЛЬНОЕ, окажутся, так сказать, дважды обделенными, когда обнаружат, что одна отрасль индустрии развлечений уже закрылась, а другая так и не открылась!

Следует помнить, что суфийская учеба на Западе и на современном Востоке строится по известному образцу³. Во все века были суфии и были имитаторы. Чтобы уяснить существо дела, не лучше ли самому задаться вопросом: почему я воображаю, что бывает деятельность, где нет имитаторов, шарлатанов, путаницы, «туристов» и случайных попутчиков? Можно ли что-то сделать с обманщиками или чудаками, предлагающими путешествие на Луну, кроме как увеличить общедоступную информацию о космических полетах?

Не могу отделаться от чувства, что заданный вопрос характеризует сознание спрашивающего и показывает, что этот человек мыслит более узко, чем того требуют даже присущие ему ограничения.

³ Юмористические истории не только содержат ценные структуры, развивающие понимание, но их использование помогает также отсеять людей без чувства юмора. Суфии считают, что люди, не развившие или подавившие свою способность наслаждаться юмором, в таком обделенном состоянии не обладают также и способностью учиться в суфийской среде.

Если и можно что-то предпринять в отношении имитации, так это распространять информацию о реальном. Но деятельность подобного рода зависит от подготовленности аудитории, включающей в себя широту кругозора и разумное использование методов ясного мышления, которые существуют во всех современных обществах, хотя в интересующей нас сфере стали использоваться лишь недавно.

Высматривать имитаторов – значит, занимать негативную, неплодотворную позицию. А вот способность помнить слова Джалаледдина Руми, сказавшего, что фальшивое золото существует лишь потому, что есть Настоящее, приводит человека в позитивное состояние...

Джами и внешние формы

И имитаторам, и последователям прежних формулировок, от которых сохранились только оболочки, можно напомнить, в особенности если они читали суфийскую классику, что внешние формы не то же самое, что содержание. Именно в этом духе говорит великий учитель Джами в «Бахаристане», – «Весеннем саду»:

Роза покинула сад – с листьями и шипами что делать?

Шаха в городе нет – с челядью и дворцом что делать?

Привлекательные формы – суть клетка:

красота и добро – попугай.

Попугай улетел, с клеткой что делать?

Аналогия с шубой

В *Fihi Ma Fihi*⁴ можно найти аллегорический рассказ о шубе. «Зимой, – говорит Руми, – вы ищете одежду из меха, но когда наступает лето, она становится ненужной, теперь она обуза. Так же и с имитациями настоящих учений. Они сохраняют человека в тепле до тех пор, пока не приходит время, когда он может быть согрет солнцем...»

Поэтому, как с меховой одеждой, люди цепляются за культы и подделки, потому что они удобны им, задевают что-то внутри них, требующее именно этого – культов и имитаций.

В то же время, конечно, они воображают о себе все что угодно, скажем, что они истинные последователи, искренние искатели, жертвуют собственными интересами и пекутся о благе других или об истине.

Шибли и камни

В известном случае, приведенном, например, в произведении Хакима Санаи «*Ilahi-Nama*», суфийский учитель Шибли из Хорасана сделал подобный самообман предметом

⁴ Произведение Руми «Фихи Ма Фихи» («Здесь есть то, что здесь есть»). (Примеч. перев.)

наглядного обучения, спровоцировав следующее драматическое событие.

Оскорбивший власти вызывающими речами, Шибли был посажен на цепь. Его объявили сумасшедшим. Несколько человек, питавших к нему глубокое уважение, пришли его проведать и посочувствовать. Он спросил их, кем они себя считают, и те ответили: его друзьями.

Шибли стал кидать в них камнями и обратился в бегство.

Вдогонку им он кричал: «Вы считаете себя моими друзьями, показываете, что беспокоитесь обо мне! Но смотрите: вы бежите от моего недуга, значит, заботитесь не обо мне, а о том, как укрыться от камней!»

Получить то, чего нет в вашей судьбе

Кроме того, нам следует помнить наставление великого мудреца Абу-ал-Хасана Хиркани, записанное в произведении Аттара *«Жизнеописания святых»*:

«Людям этого мира строго определена каждому своя судьба. Однако духовно развитые получают то, чего *нет* в их судьбе».

Вопрос: В чем вред подражаний? Я уверен, что если не все, то большинство систем развития человека, предлагаемых публично, всего лишь имитации. Если такие системы все же доставляют людям удовольствие и ощущение глубо-

кой реальности, разве не обладают они какой-то ценностью?

Узелки, препятствующие ткачеству

Ответ: Чтобы посмотреть на это иначе, воспользуемся аналогией. Предположим, мы обсуждаем возможное развитие и распространение ткацкого искусства. Предположим также, что люди находятся на начальной стадии, когда они могут лишь завязывать узелки на нитке, – занятие, доставляющее им удовольствие и почитаемое как «предвкушение» ткачества. Если все они снова и снова возвращаются к завязыванию узелков, считая при этом свое занятие завершенным искусством, мы вправе спросить, когда же настанет само ткачество, сколь бы приятным ни было завязывание узелков? Конечно, подобная деятельность сама по себе может быть ценной, но при этом она будет препятствием для дальнейшего продвижения, если идея чего-то большего «отменена» людьми, считающими, что узелки – предел их достижений в данной области.

Здесь следует отметить два момента.

Первый: не стоит возражать против удовольствий как таковых, но нужно помнить, что существует множество источников удовольствий, и если мы ищем наслаждений как части некоего более специального целого, это может привести к путанице и даже к чему-то худшему.

Второй: если вы захвачены начальным этапом некоего

процесса, принимая его за целое, вы застрянете и не двинетесь дальше.

Женщина и существо из духовного мира

Обратимся к древней истории о женщине и существе из духовного мира.

Жила некогда бедная женщина, которая однажды помогла духовной субстанции в образе странника издалека: она оказала пришельцу гостеприимство, тогда как остальные гнали его. Покидая ее дом, он сказал: «Пусть завтра ваше первое дело длится весь день!»

Она решила, что это незнакомый ей способ благодарности, но вскоре обо всем забыла.

На следующий день один купец принес ей немного золотой нити и попросил расшить ею одежду: она зарабатывала себе на жизнь вышиванием.

Женщина размотала золотую нить и расшила одежду. Когда она закончила, то увидела, что золотой ворох на полу не только не уменьшился, но даже увеличился.

Когда она стала сматывать нитку опять в клубок, то заметила, что ее становится все больше и больше. Так она и провела весь день, наматывая золотую нить, и к ночи клубок достиг огромных размеров.

Так как по обычаю тех мест оставшаяся нить принадлежала вышивальщице, женщина продала эту нить и на выручен-

ные деньги перестроила и обставила дом, а также устроила свои дела, открыв превосходную мастерскую.

Естественно, соседи стали расспрашивать ее, и она рассказала им, как ей повезло и что было тому причиной.

Спустя некоторое время в том же городе один купец увидел и узнал «незнакомца с магическими силами», поскольку женщина подробно описала его. Он тут же пригласил его в свою лавку и в дом. Подражая поведению щедрых, он буквально рассыпался перед своим гостем в любезностях, оказывая ему всевозможные знаки внимания, так что в своем гостеприимстве превзошел пределы разумного.

При этом он думал: «Да послужит сие моему благу и, конечно, благу каждого в этом городе». Вторую фразу он добавил потому, что, хотя был алчным, воображал, что если хотя бы мысленно упомянет других, то сможет получить желаемое. Но поскольку он всего лишь подражал щедрости и подумал о благе других не наравне с собственным благодеянием, а лишь во вторую очередь, события обернулись для него иначе, чем для щедрой женщины.

Когда чужестранец собрался уходить, купец сказал:

– Благословите меня.

– Этого я никогда не делаю, – сказал чужестранец, – но пожелаю тебе, чтобы первая твоя забота сегодня длилась целую неделю.

Он ушел своим путем, а купец направился в контору, где предполагал целую неделю считать деньги, чтобы таким об-

разом умножить их.

По дороге через двор деляга остановился попить воды из колодца. Не успел он вытащить одно ведро, как почувствовал непреодолимое желание вытащить еще одно, затем еще одно, и так продолжалось неделю. Вода затопила дом купца, затем дома соседей и, наконец, весь город, так что он был почти полностью смыт с лица земли.

Достижение Знания

Вопрос: Как достичь самопознания? Глядя на такие организации и институты, как школы, университеты, деловые или профессиональные гильдии, я вижу, что за ними утвердилась прочная репутация. У них есть членство, условия приема, цели и перспективы. К примеру, если я политик, моя цель – стать членом кабинета; если я изучаю медицину, то для того, чтобы стать либо лечащим врачом, либо научным работником, либо преподавателем. Когда же я обращаюсь к суфийским идеям, будь то через книги или через людей, то вижу, что в этой области нет такого же согласованного курса или если он есть, то я не могу его найти. Из-за этого я испытываю замешательство и часто встречаю людей, которые, интересуясь теми же предметами, тоже чувствуют растерянность. Поэтому я считаю, что ответ на этот вопрос чрезвычайно важен для многих людей, которые верят, что в суфийских идеях и деятельности, несомненно, должно быть что-то истинное и ценное, ведь не зря же они сформировали столько великих людей. И все же путь к ним и курс обучения трудны и подчас озадачивают.

Ответ: Интересно рассмотреть эти слова не в качестве урока на тему, что представляют собой суфии или в чем смысл суфийской деятельности, а с точки зрения того, что

они могут нам поведать о людях. И мы сразу же увидим, как легко ответить на этот вопрос, обратившись к материалам, аналогиям и способам мышления, которыми с таким же успехом могли бы воспользоваться сами спрашивающие, если бы действительно были такими последовательными аналитиками, какими себя воображают.

Сначала необходимо сказать, что именно такой образ мыслей и сбивает человека с толку. Вы произвольно подбираете параллели и допущения и пытаетесь применить их к нашей области. Занятно, что, используя все это не по адресу, вы нашли именно то, что подсознательно искали, – путаницу.

Один из традиционных способов ответа на этот вопрос – процитировать пословицу: «Как бы быстро и ловко ты ни бежал, от ног своих тебе не убежать».

Давайте тщательно разберем приведенные аналогии и покажем, что они относятся к нам не больше, чем к любой области и людям, о которых упоминается в вопросе.

Во-первых, не наше дело убеждать в практической полезности суфизма или в надежности суфийского учения всех и каждого. Каждый должен сделать это для себя сам и, вероятно, для этого человек будет использовать те же методы, которыми пользуется, когда обращается к изучению какого угодно предмета. Но ему следует помнить, что если он, скажем, придет в медицинскую школу и спросит: «Как мне узнать, что вы можете меня чему-то научить?» – ему будет указано

на дверь. Его сочтут непригодным. Такой подход обнаруживает дурные манеры и указывает на то, что уровень интеллектуального развития этого человека делает его необучаемым. Есть много людей, которые не встают в позу идиота, и только по отношению к таким личностям у медицинской школы есть обязанность – предоставить им свое ограниченное время. Прodelать с вами более простую подготовительную работу – уже задача других людей. Одна из функций опубликованных книг – дать подобный краткий инструктаж.

Во-вторых, репутация суфиев и так достаточно прочна, и была таковой от своего основания, заложенного суфиями задолго до возникновения многочисленных современных институтов. Сохраняющаяся гибкость, жизнеспособность и эффективность суфийских институтов (если уж необходимо измерять в таких категориях) сами по себе доказывают их ценность на той шкале, на которой в обычном мире оцениваются подобные вещи.

Сосуществование подлинных суфийских проектов и их подделок представляет собой феномен, встречающийся в любой области, так как почти у каждого вида деятельности есть свои подражатели. Явление это не новое, и оно везде имеет те же характерные черты и источники.

В-третьих, идея «набора и рекрутирования» членов, естественно, меняется от института к институту. К примеру, членство и условия приема банковских клерков отличаются, скажем, от набора в армию. Человек может стать банковским

клерком и выяснить, что жизнь банкира ему не по душе. Или может стать политиком и выяснить, что это как раз то, что ему надо. Он может пойти в водолазы и обнаружить, что глубоководное погружение – совсем не то, что он думал, хотя вокруг него всегда было достаточно и водолазов, и школ, и немало литературы по этому предмету. Чего же иного вы ждете от суфийской учебы или деятельности, что отличалось бы от данного положения вещей?

В-четвертых, конечно, существует вопрос о целях и перспективах. Допустим, вы хотите быть политиком: никто, вероятно, не скажет, что вы можете стать членом кабинета министров, прежде чем, к примеру, не поработаете рассыльным у какого-то незначительного кандидата в парламент, или заклеивщиком конвертов в штаб-квартире партии, или даже каким-нибудь мелким клерком при никому не известном чиновнике сельского районного управления. Целью же может быть портфель министра или премьер-министра. Сколько людей, находящихся в начале своей политической карьеры: а) знают, что такое быть премьер-министром, даже если стремятся к этому; б) действительно станут премьер-министром? В любом случае, люди, достигшие такого ранга, как правило, руководствовались китайской пословицей: «Путь в тысячу миль начинается с одного шага».

В-пятых, коснемся замешательства: люди часто приходят в замешательство либо потому, что не понимают первых шагов, которые им нужно сделать, либо потому, что неизменно

получают удовольствие от своего замешательства, либо по какой-то иной причине, которую они не знают. Истоки состояния замешательства часто можно открыть, заново сформулировав проблему в более знакомых терминах, как только что сделал я.

Среди суфиев, как и среди последователей других путей, от того, кто намеревается стать участником их деятельности, требуются определенные навыки в качестве подготовки к высшему обучению. Жизнь в современных сообществах диктует необходимость в эквивалентных, а часто в точно таких же предварительных условиях. Поскольку в нынешних культурах существует множество хорошо известных институтов с ясно изложенными требованиями, то при наличии настоящего желания людям не трудней, а легче понять эти требования. К ним относятся: смирение, преданность, умеренность, сдержанность, послушание. До тех пор, пока вы не научились осуществлять эти «добродетели» на практике, вы ничего не добьетесь ни в банковском деле, ни в армии, ни в медицине, ни в политике, ни в социальной службе, ни в каких-либо других видах мирской деятельности. Если, с другой стороны, вы хотите избежать этой утомительной предварительной подготовки и устремиться к суфизму, то нам ясно, что вы собой представляете, и мы вообще не будем с вами разговаривать. «Сказать “да” суфийскому пути – значит, сказать “нет” воображаемому бегству».

Не случайно суфиям, как они снова и снова убеждают-

ся на опыте, значительно легче конструктивно общаться с людьми, которые не только имеют высшие устремления, но и занимают прочное положение в мире: общеизвестно, что те, кто разумно относится к обществу и жизни, обычно очень хорошо воспринимают суфийские учения.

Итак, перейдем к проблеме, которой вы коснулись в начале своего вопроса: насколько видимыми являются учебные институты? Мир такой, какой он есть, так же как и особое отношение к вещам, составляют для суфия суфийскую школу. Помните слова Магриби, сказавшего монаху: «То, что вы ищете в вашем уединении//Я ясно вижу на каждой дороге и в каждом закутке».

К чему отягощать внешними условностями, скажем, обрядами, жизнь того, кто и так погряз в бесплодном ритуализме. Нет смысла загружать идеями ум, и так переполненный идейным багажом. Учебные структуры открываются нашему взору, когда голова свободна от иллюзий.

Саади и человек с переполненной головой

У Саади есть история о человеке, чья голова была переполнена воображаемым знанием и вследствие этого высокомерием. Он пришел издалека к мудрецу Кошьяру. Кошьяр не стал его ничему учить, сказав: «Наверное, ты считаешь себя мудрым, но в наполненный горшок ничего нельзя поместить».

Если вы полны претензий, продолжает Саади, то на самом деле вы пусты. Опустошите себя от бесплодных идей, наставляет он, чтобы вы могли прийти и наполниться высшими восприятиями и понять реальный смысл.

В нетрадиционных обществах, к которым принадлежит современное Западное общество, широко распространено представление, что их научная основа каким-то образом позволяет им мыслить иначе, чем «древние» или «восточные» люди. Антропологи показали, что способы человеческого мышления повсюду очень схожи, а модели и предположения, используемые, скажем, древними африканцами, мало отличаются от тех, что применяются современными европейцами и американцами. Тот факт, что эта информация экспертов не стала частью всеобщего знания, сам по себе подтверждает, скажем, точку зрения Р. Хортона. Он так прокомментировал необоснованные предположения западных людей и африканцев:

«Основа для принятия западным обывателем ментальных моделей, предлагаемых учеными, зачастую не отличается от той, на которой базируется образ мыслей молодого жителя африканской деревни, когда он впитывает то, что вещает деревенский старейшина. В обоих случаях на тех, от кого поступают предложения, смотрят как на полномочных представителей традиции. Что касается правил, которыми руководствуются сами ученые, принимая или отклоняя те или иные мыслительные конструкции, то эти критерии ред-

ко становятся частью интеллектуального багажа более широких слоев населения. Сегодняшний западный обыватель при всей очевидной современности его мировоззрения, редко является более «открытым» или научным в своих взглядах, чем обычный сельский африканец»⁵.

Если учеба осуществляется в настоящее время, то знание себя может включать познание способов мышления вашего сообщества и понимание того, что, возможно, вы – его продукт и что это знание действительно может быть достигнуто с помощью таких антропологических и психологических наблюдений, какие проводятся суфиями в их курсе обучения, направленном на принятие новых и многообещающих дополнительных перспектив.

Это подразумевает расширение знания через познание себя, познание себя через знание того, как человек думает о других, и «видение себя глазами других» – то есть задействование всех тех способов, которые способствуют применению соответствующих уроков: на Западе пока только указывают на них, но еще не связывают с развитием восприятия реальности, лежащей за пределами обычного состояния сознания.

Утверждение «Тот, кто знает себя, знает своего Господа» означает, кроме всего прочего, что самообман препятствует знанию. Вопрос задан о том, как достичь самопознания. Первое «я», о котором надо получить знание, представляет

⁵ R. Horton: African traditional thought and Western science, in: Africa, 37, 1967, International African Institute.

собой вторичное, по существу ложное, «я». Каким бы полезным ни было это «я» в многочисленных ежедневных делах, оно стоит у вас на пути как препятствие. Его необходимо отодвинуть, сделать чем-то таким, что может быть использовано или не использовано, но при этом не использует вас.

Способ, которым это делается, – самонаблюдение: регистрация того, как и когда это «я» действует и каким образом вводит в заблуждение.

Как найти наших братьев

Один человек как-то заметил в присутствии суфийского старца Джунайда из Багдада, что нынче стало трудно найти истинных братьев. Джунайд тотчас определил однобокость такой позиции: «Если вы ищете брата, чтобы он разделил с вами ваше бремя, то братьев воистину найти трудно. Но если вы ищете человека, чтобы разделить с ним его бремя, то в таких братьях нет недостатка».

Ансари о взгляде на себя

Вы хотите научиться оценивать институты суфиев. Вы хотите познать себя. Первое возможно лишь после того, как достигнуто второе. Шейх Абдуллах Ансари из Герата, как и все классические суфийские учителя, настаивает на том, что

вы должны видеть себя иначе, чем вашими собственными глазами, то есть не так, как вы сейчас смотрите на вещи, или же ваша привязанность к этому вторичному «я» будет только усиливаться и заслонит объективное понимание.

Аналогия с садовником

Пока вы сами не можете ясно и постоянно видеть, что вы из себя в действительности представляете, вам надо доверять оценке учителя, «садовника», как его называет Руми:

«Когда садовник входит в сад, ему достаточно взглянуть на деревья, чтобы сразу узнать: вот – финиковая пальма, вон – смоковница, а там – гранатовое дерево, груша, яблоня. Если есть знание, видеть плоды не обязательно – достаточно деревьев»⁶.

Трудности

Вопрос: Какие проблемы на нашем современном Западе связаны с передачей знания?

Ответ: Такого рода проблемы, по сути, мало отличаются, разве что внешне, от тех, что существовали во все времена. Чтобы понять, вам необходимо взглянуть на это с такой точ-

⁶ *Fihi Ma Fihi* Джалаледдин Руми Балхи.

ки зрения.

Если бы в Средние века в Западной Европе вы проповедовали, скажем, гигиену, что случилось бы с вами? Для начала вас бы сочли еретиком, потому что мылись только неверные. Уважаемые люди подвергли бы вас жесткой критике за предположение, что вы лучше, чем они, поскольку вы мое-тесь, а они нет. Если бы вы стали излагать им учение о микробах, вы думаете, что это сошло бы вам с рук? А воспользуйся вы их средствами массовой информации, вас обвинили бы в нескромности и даже в чем-то худшем; если бы вы попытались учредить свои собственные, вас бы обвинили по меньшей мере в неблагонамеренности.

И – столь же важно – кто бы стал вас слушать? Чудаки, оккультисты, неудачники, желающие найти кратчайший путь к успеху... Во всяком случае, не те люди, которые могли бы и стали в будущем авторитетами в области гигиены... Необходимо проделать большую предварительную подготовительную работу, объясняя предположения, доказывая, что предубеждение – это не реальность, развенчивая ни на чем не основанную клевету.

Преодолейте барьер самого себя

Великий суфийский поэт Хафиз говорит (и до чего же верно), что трудности – внутри людей, ибо они воображают важными вещи, которые на самом деле не относятся к раз-

ряду важных: «Вы сами – ваш собственный барьер, поднимитесь над ним, чтобы преодолеть его».

Священник и публика

Люди ошибочно принимают информацию за знание и одно указание за другое. Происходит это главным образом потому, что в целом они не знают, чего хотят, и часто думают, будто им чего-то хочется, когда на самом деле они хотят совсем другого. Данная проблема сопутствует всем видам деятельности на Западе.

Недавно я беседовал с приходским священником одной церкви в новом городском районе. Он провел тщательный опрос населения, чтобы выяснить, чего хотят его новые прихожане, какие проповеди они хотели бы слышать и как следует их преподать, какие темы им интересны. Все это заняло у него несколько месяцев. В конце концов он составил полную картину пожеланий прихожан и позаботился о темах, подаче и атмосфере.

Первые несколько недель люди ходили на его службы, потом их стало все меньше и меньше. Когда их спрашивали об отсутствии интереса, они называли одну причину: «Это непохоже на то, что мы думали».

Подобная ситуация показывает (как можно обнаружить в бесчисленных суфийских историях), что ни учитель, ни учащийся вне реального контекста не знают, как должно осу-

ществляться обучение, если только оно не проводится путем внушения или в особых случаях эмоционального возбуждения.

Поскольку во многих отраслях знания учителя думают, будто знают, как учить, а учащиеся – как учиться, от нас ускользает одно обстоятельство: люди принимают это народное поверье без всякой проверки. Таким образом, из века в век и те, и другие пожинают все более скудные плоды деятельности, за исключением лишь некоторых сфер, как, например, торговля, где люди не могут себе позволить фантазировать и вынуждены производить проверки и тестирование.

Требование смеха

Весьма поучительный случай произошел на британском телевидении, когда многие люди пожаловались на обыкновение постановщиков юмористических шоу сопровождать каждую шутку фонограммой смеха или приглашать в студию публику. Телезрителям это не нравилось. Главный редактор развлекательных программ лондонского воскресного телевидения в 1970 году, подчинившись резкой критике и потоку писем, убрал хохочущую аудиторию. Теперь стали жаловаться актеры, что без смеха, помогавшего им настроиться на определенный темп, они не могут играть как следует. «Поэтому, – сказал мистер Барри Тук, – я вернул обратно

аудиторию, и все опять пошло как нельзя лучше. Мы снова стали получать множество писем, фактически от тех же людей, которые ранее жаловались на смех в студии, но теперь все они писали, насколько больше им нравятся телеспектакли с живой публикой».

Как продавать книги ученым

При рассылке ученым проспектов новых книг мы обнаружили следующий результат: предложения, изложенные безупречным научным языком, едва способствовали продажам. Зато проспекты, написанные на манер рекламы стирального порошка, даже для книг на серьезные темы привлекали немало уважаемых ученых мужей, которые тут же высылали свои заказы. Когда я упомянул этот результат в газетном интервью, несколько профессоров написали мне, что они предпочитают «возбуждающую» рекламу и что «ученый стиль» им надоел...

Мертвые пешеходы...

Одна из трудностей, связанных с передачей суфийского знания и на Востоке, и на Западе остается неизменной в течение многих веков. Как утверждал суфийский старец Абулах Хасан Кхиркани: «Многие люди, которые в действитель-

ности мертвы, ходят по улицам; многие, из тех, что лежат в могилах, в действительности живы». Такие вот слова адресовал он нам через книгу мастера Аттара «Жизнеописания святых».

Трудности в передаче знания, о которых вы спрашиваете, состоят в том, что лишь немногие люди способны сразу же научиться тому, чему их учат. Остальным надо приобретать определенный опыт и проходить обучение, пока их внутреннее восприятие не будет в состоянии установить связь с передачей.

Многие люди полагают, что их интерес к предмету является достаточной подготовкой. Более того, они и поверить не в состоянии, что кто-то другой обладает способностью восприятия, тогда как сами они должны ждать.

Джунайд и ревнивые ученики

Джунайд однажды проиллюстрировал это на очевидном уровне, когда некоторые из его двадцати учеников ревниво отнеслись к тому, что он питает особую привязанность к одному из них. Притча в действии, которую он изобрел, стоит того, чтобы над ней поразмышлять.

Он созвал всех своих учеников и велел им принести двадцать кур. Каждому было велено отнести свою птицу в такое место, где его никто не видит, и убить ее.

Когда они вернулись, то принесли с собой мертвых птиц –

все, за исключением обсуждаемого ученика, который принес свою птицу назад живой.

Джунайд в присутствии остальных учеников спросил его, почему он не убил птицу.

«Вы велели мне пойти туда, где меня никто не увидит, но такого места нет: Бог видит все», – ответил тот.

Трудность передачи знания тесно связана с ориентацией ученика. Желать знания недостаточно. Случай с учениками Джунайда показывает, что только один из двадцати действовал в соответствии со своими убеждениями.

Учительство согласно Муинуддину Чишти

Институт учительства существует для того, чтобы учащийся мог научиться тому, как учиться. Понимая это, человек осознает, почему высказывание Муинуддина Чишти не является крайностью:

«Следует принять сердцем: все, что духовный руководитель убеждает своих учеников делать и практиковать, идет на пользу самому духовному ученику».

Тайны и суфии

Вопрос: Когда суфии намекают на тайны и говорят об удивительных местах, странных книгах и тому подобном, какую цель они могут преследовать, кроме как поиграть на чувствах публики?

Культурные добровольцы

Ответ: Если они так поступают, то, возможно, лишь для того, чтобы распознать поверхностных людей, которые цепляются за подобные вещи. Это напоминает старый армейский прием, когда сержант говорит новобранцам: «Поднимите руки те, кто слишком культурен для физической работы», а затем, когда несколько рук поднимается, объявляет: «Вот кто нуждается в усиленной физической подготовке!» – и посылает их на самую грубую работу.

Возможно и иное объяснение: то, что для вас – игра на чувствах, для меня – повседневная жизнь. Такие слова, как «удивительный», «странный» и тому подобные не имеют абсолютного значения и в высшей степени субъективны. Какое значение вы вкладываете в понятия «тайна», «странный», «удивительный»?

Ни для кого не является тайной, что суфии порой занимаются тем или иным лишь для того, чтобы вызвать у на-

блюдателей упомянутые здесь реакции, ибо только таким образом аудитория может пережить и пронаблюдать изменчивость своих настроений и чувств и осознать, насколько люди подвержены манипуляциям, стоит только задействовать нужные рычаги, каковые имеются в избытке у великого множества людей.

Словом, нет однозначного ответа на ваш вопрос. В этой области царит одно из самых распространенных заблуждений, а все потому, что невнимательные ученики предположили, будто суфийские учения, нацеленные на отдельных людей или группы или предназначенные для кратковременного использования, – суть вечные предписания, применимые во всех обстоятельствах. Многое из суфийской литературы больше не актуально, поскольку за годы склад ума аудитории изменился.

Касаясь вопроса этих так называемых, тайн Руми говорит:

«Если вы не видите тайн истины, то посмейтесь над нами...»

Хлеб для голодного

Тайны, странные места, а также удивительные книги – часто расхожие выражения того языка, на котором несведущие люди думают об определенных предметах. Для того чтобы установить связь с этими людьми, вам, возможно, для на-

чала придется использовать их язык. Это не делает его *вашим* языком. Помните высказывание: «Для голодного человека “дважды два” означает “четыре буханки хлеба”» Если вы обращаетесь к голодному, ваши первые слова вполне могут быть о хлебе.

Чтобы дать вам более краткий ответ на ваше умозаключение о том, что суфии просто хотят поиграть на чувствах публики, приведу старинное изречение:

«Если вы верите чему-то и думаете, что убеждены в этом, знайте, что вы в действительности нуждаетесь в исправлении. Быть убежденным и верующим – стадии, которые должны быть преодолены на Пути к Уверенности».

К тому же такие слова, как «тайна», – технические термины. Слово «тайна» часто можно точнее передать словами: «глубочайшее сознание».

Когда имеет смысл встречаться

Вопрос: Вы отмечали, что люди, услышав о чем-то, тут же начинают страстно желать этого! Почему сама по себе встреча с учителем или источником знания может не принести ученику пользы?

Источник сладкой воды

Ответ: Существует персидская поговорка, вернее, цитата из *Гулистана* – классического произведения Саади. Она гласит: «Где бы ни был источник сладкой воды // Его окружают люди, птицы и муравьи».

Как только где-нибудь появляется что-то привлекательное, люди, следуя своей природе, начинают толпиться возле. Я говорю «следуя природе», потому что человеческих существ, подобно животным, непреодолимо влечет к себе та сторона вещей, которая непосредственно прельщает их чувства. При этом притягательное как для животных, так и для человека может быть либо полезным, либо нет.

Позвольте мне уточнить мою мысль. Например, вы услышали об учении, и то, что вы слышали, притягивает вас или, возможно, вы хотите узнать о нем больше. Ваше чувство является для вас сигналом, что вы должны немедленно войти

в контакт с учением. Вы руководствуетесь предположением, что можете извлечь пользу из контакта, установив его в удобное для вас время и в обстоятельствах, которые вы сами считаете подходящими. Подобная позиция бесплодна, потому что не соответствует тому, что *может* случиться в данной ситуации.

Учение способно проявить собственную ценность для вас, и вы, в свою очередь, в состоянии принести учению пользу только в том случае, если настроитесь на него таким образом, в такое время и при таких обстоятельствах, которые более всего благоприятствуют плодотворному взаимодействию с предметом. «Даже рыба не в силах выпить в море больше воды, чем может».

В этом смысле изучение того, о чем мы говорим, – куда более тонкое занятие, чем, скажем, изучение иностранного языка, когда просто достаточно приобрести книгу, кассеты, нанять учителя и можно приступать к изучению в любом удобном месте и в любое удобное для вас время. Но даже при изучении языка необходимо считаться с соответствующими условиями. Вы должны пребывать в определенном умственном и физическом состоянии: например, вы не слишком устали, не очень голодны. Вы должны находиться в сравнительно удобном месте, не под проливным дождем, к примеру. Вам необходимо обладать теми или иными способностями или ресурсами: магнитофоном, электричеством; кроме того, вы должны уметь читать, предпочтитель-

но – не быть глухим и т. д. Обычный человек может сознавать необходимость всех этих условий в организованной им учебной ситуации. Но почему-то он не думает о них, изучая высшее знание. А почему?

Учиться тому, как учиться, значит, исследовать собственные предположения, и анекдоты о Мулле Насреддине очень часто помогают в подобном изыскании.

Шабистари о настрое

В своем произведении «Сад тайны» Шабистари намекает на необходимость сонастроенности ученика и учителя и созвучности людей своим переживаниям, подчеркивая при этом, что гармония должна быть правильной: «Просветление иногда – от величия, иногда – от красоты; совершенство (просветленности) лежит между ними».

Люди страстно желают того или иного, говорите вы, и это правда. Но если, говоря о суфийском знании, они жаждут количества, а не качества, необходимо восстановить баланс и, прежде чем они смогут стать обучаемыми, переориентировать их устремления в направлении качества.

Примите к сведению: суфийские учителя предлагают своим ученикам изучать те или иные темы или материалы для того, чтобы плоды их науки показались именно тогда, когда они созреют по своим собственным законам, а не по чьему-либо желанию, скажем, на следующий день, в два трид-

чать. Люди, находящиеся в плену убеждения, что учиться можно чисто механически или посредством мгновенного просветления, не в состоянии извлечь пользу из обучения, так как подобным отношением к делу лишают себя целого диапазона необходимых взаимодействий между собой и учителем.

Любая встреча с учителем может принести плоды, но именно ученик из-за своих поверхностных ожиданий способен помешать появлению соответствующих результатов. Мы опубликовали немало историй, иллюстрирующих данный аспект в обучении методам обучения.

Вопрос: Не поэтому ли вы, как нам кажется, отбиваете охоту у тех, кто хотел бы посетить вас и готов приехать издалека; и многие в самом деле прибывают к вам из разных стран: Японии, Аргентины, Индии, Канады, Самоа.

Ответ: Я отбиваю охоту не у всех, кто хочет со мной встретиться. Но существует некая модель, и я рад буду поделиться ею с вами, поскольку это касается самой основы наших изучений.

В молодости, когда я был учеником, меня волновал тот же вопрос, и тогда я находился в том же положении, что и вы. Со всех концов света люди писали письма моему учителю и посещали его. Однажды я спросил у него, почему он разочаровывает тех, кто совершил или собирается совер-

шить длинные и иногда трудные путешествия, чтобы встретиться с ним. Он ответил мне, и я убедился, что он сказал правду и даже, если это возможно, больше, чем правду. Вот что он мне рассказал.

Ментальные позиции учеников

Людям свойственно думать прежде всего и больше всего о себе. Это означает, что, когда они узнают о нашей работе, их охватывает страстное желание принять в ней участие, узнать больше, извлечь из нее личную выгоду. Удовлетворение этого желания питает их эгоизм и разжигает жажду выгоды.

С другой стороны, когда люди соприкасаются с нашими идеями и правильным образом распространяют их среди других (не создавая культа и не строя из себя учителей), то в этом случае они не только получают, но и отдают.

Такой человек никогда не добивается и не требует, чтобы его немедленно приняли, выслушали, учили и т. д. Он подготавливает группу людей, распространяет знание наилучшим, доступным для него способом и затем спрашивает, должен ли он приехать к нам или кто-то из нас может посетить созданную группу.

Подобные люди в самом деле в состоянии учиться и служить, так же как и принимать служение других. Так складывается непрерывность служения людям и принятие служения от других.

Но есть и другие люди; они тратят большие деньги на путешествия, иногда собирая средства с других, и, сами того не сознавая, думают только о себе. Если они не замечают этого за собой, то наш долг указать им на их поведение и дать возможность извлечь пользу из своего поиска и научиться уравновешивать собственную жадность, установив непрерывный обмен: служения другим и принятия подобного служения от других. Вот чему научил меня мой учитель. Он часто говорил мне: «Многие люди думают, что я просто их испытываю, когда довожу этот момент до их сведения, или не отвечаю на их письма, чтобы помочь им изменить собственную позицию с: “Дай мне” на “Что мне сделать?” Но здесь ты убедишься, что люди, прибывающие сюда в таком ментальном состоянии, оказываются необучаемыми, то есть они просто метафизические туристы».

Он был абсолютно прав. Отказываясь учить людей, он давал им возможность обратиться к самонаблюдению и осознать свое поведение. Некоторые из них, и их было меньшинство, поняли это. Конечно, мы сумели во многом облегчить решение упомянутой проблемы, опубликовав истории, в которых классические учителя и другие обучающие персонажи демонстрируют, что жажда учиться иногда – не более чем маска, скрывающая корысть. Это помогло многим людям усвоить правильный подход к Учению.

Учиться тому, как учиться, хорошо иллюстрирует подход, который применил мой учитель. Благодаря этому подходу

можно увидеть, как один и тот же человек оказывается не в состоянии воспользоваться Учением, когда он или она распространяют на него свою жадность, и как тот же индивид становится восприимчивым к учению, обращая к нему лучшую и более позитивную часть самого себя.

Но не забывайте, что незнающих, как учить, не меньше, чем тех, кто в своем нынешнем состоянии не способен учиться. Люди, полагающие, что могут учить других, нередко проявляют беззаботность в отношении тех, кто учится.

Обучение языку

Совсем недавно мне представился восхитительный случай наблюдать подобную ментальность в действии. Я разговаривал с преподавателем иностранного языка. Этот человек сказал мне:

– Я разработал собственную, совершенно уникальную методику преподавания языка. Я уже применил ее на одном ученике, которому я даю частные уроки. Это изумительная методика!

– И что же, он теперь владеет языком в совершенстве? – задал я вполне обычный для светской беседы риторический вопрос.

– Ни в зуб ногой, – ответил преподаватель. – *Учил-то я великолепно, но он просто оказался необучаемым.*

Потолок

Вопрос: Не могли бы вы, пользуясь параллелями или иносказаниями, дать нам представление об особой области, в которой действует суфийское учение, и показать, как оно действует?

Ответ: Наше учение частично существует в «другом мире», «высшем царстве», «ином измерении» и описывает «иное».

Вот параллель того, что это означает в одном важном отношении и что является объектом Учения.

Неизвестный потолок

Предположим, у нас есть дом со стенами, потолками, полами, и мы находимся внутри этого дома. Допустим, что по давно укоренившемуся обычаю жильцам можно касаться только пола и стен. Если бы кто-нибудь зашел внутрь и сказал: «Посмотрите на потолок», – обитатели дома оказались бы не в состоянии сделать это, – словно дети, которые часто не могут увидеть чего-то и не способны наблюдать какую-то вещь, пока им ее не покажут.

Предположим далее, что на протяжении поколений было принято вешать те или иные вещи на стены и ничего не

иметь на потолках. Для большинства людей предметы на потолках будут в таком случае оставаться «невидимыми».

Так и с нашим учением. Мы часто и настойчиво утверждаем, что люди не продумывают вещи до конца, что они делают разные предположения (такие как «не существует потолка») и им в голову не приходит проверить соответствуют ли их предположения действительности. Но, подобно любому разумному человеку, который в данном случае попытается указать на существование потолков, мы не только привлекаем внимание к этому теоретическому постулату («возможно, потолки существуют»), но делаем нечто большее.

В учебных курсах, на встречах, в общении с учителями, в материалах для наблюдений, упражнениях, называйте их как хотите, мы обеспечиваем общину, к которой обращено наше послание, практическими средствами, необходимыми для того, чтобы усвоить и сохранить опытное знание о существовании «потолков».

Где найти истину

Людям необходима тщательная подготовка, прежде чем они смогут узреть то, что находится у них перед глазами. Именно об этом говорил в поэтическом экспромте Саади из Шираза: «И в верблюде, и в красавицах Китая или Чагила//Знающий видит то же самое».

Кроме того, применяя определенную способность к кон-

центрации, некоторые люди в качестве метода обучения заставляют других выводить на поверхность и облекать в конкретную форму свои тайные мысли. Эти мысли выдают характер и действие вторичного «я», ложной личности, которая, хотя и позволяет людям справляться со многими ситуациями в жизни, заботится только о собственном поддержании, а вовсе не о развитии личности, выходящем за пределы узкого и поверхностного восприятия.

Работа над«Командующим Я»

Это «Командующее Я» (в суфийской классической литературе называемое *Nafs-i-Ammara*) проявляется через реакции, надежды и страхи, различные мнения и озабоченности.

Когда его образ действий выходит наружу и попадает в поле зрения, и сами индивиды, и сторонние наблюдатели могут заметить присущие ему ограничения, искажения и особенности. Фактически, это «я» и есть в значительной степени то, что большинство людей считает своей личностью, своим собственным и единственным «я»; и оно стоит между объективной реальностью и истинным «я», сущностью. Реализация сущностного – цель суфийских занятий.

Иногда это «я» характерным образом дает о себе знать через идеи или поведение, которые индивид часто приписывает другим людям, как бывает и во сне. Один современный специалист в компьютерной технике отметил: «Это как если

бы какая-то часть программы ментального компьютера за-
циклилась и стала самовоспроизводиться (вместо решения
поставленных задач)...»

Иногда происходит обратное: учитель (муршид) сообщает
уму ученика (мюрида) понятия способные непосредственно
достичь его сущности; обычными методами общения с обу-
словленным «я» передать их невозможно.

Драгоценный жемчуг

Люди пытались развивать данную способность для удо-
влетворения личных амбиций, и, поскольку это действитель-
но отчасти возможно, соответствующие методы тщательно
охраняются.

В таких произведениях, как «Драгоценный жемчуг» (*Dur-
rat al-Fakhira*) Ибн ал-Араби, приводится множество приме-
ров того, как этот механизм работает и насколько он изоли-
рован от явлений, которые принято считать оперирующими
в систематическом режиме. Например, он может начать дей-
ствовать произвольно и неспровоцированно. Данный ме-
ханизм может находиться в распоряжении ничем неприме-
чательных людей, о них сразу и не скажешь, что они его кон-
тролируют, настолько это противоречит нашим привычным
предположениям относительно подобных явлений. Но быва-
ет и так, что описываемый механизм и вовсе не дает о се-
бе знать. Иногда он приводится в действие волей операто-

ра, иногда нет. Бывает, что он включается независимо от того, как его собираются использовать, – для «хороших» (социально приемлемых) целей или нет. Традиционно этот механизм может работать для достижения довольно тривиальных целей, то же самое было отмечено в современных западных науках при изучении схожей экстрасенсорной деятельности. Описанные здесь факты делают данное явление еще более интересным, поскольку эти особенности противоречат обычным народным представлениям о таких вещах, в результате чего сам вопрос о природе подобного феномена теряет связь с традиционной сферой оккультизма, попадая в категорию современных явлений коммуникации, хотя и чрезвычайно утонченного характера.

Понимание сердцем

«Суфии, – гласит пословица, – понимают сердцем то, что ученейшие мужи не в состоянии охватить умом».

Встреча с суфием либо приносит, либо не приносит результаты в то время и в том месте, где их желает увидеть учащийся. Иногда они проявляются немедленно, иногда заставляют себя ждать. Порой должно что-то случиться, прежде чем польза от этой встречи станет очевидной.

Один из наиболее явных факторов, действующих в отношениях такого рода, указан в истории под названием «Гранаты» в моей книге *Teh Dermis Probe* («Наблюдения за по-

кровом»).

Работа и Работа

Вопрос: Почему суфии побуждают людей выполнять физическую и умственную работу; почему столь часто их учреждения необходимо поддерживать трудом учеников?

Ответ: Впервые я сам столкнулся с этим вопросом, когда жил в суфийском поселении, где каждому приходилось работать. Так много важных, влиятельных и обеспеченных посетителей приходило в это место, что я обычно недоумевал, почему бы нашему Учителю не подойти к делу более профессионально и не нанять садовников и так далее, чтобы освободить многих людей, вынужденных заниматься тем, что некоторые из них были явно не приучены делать.

Однажды вечером, когда он спросил, не желает ли кто-нибудь задать ему вопрос, я сказал: «Нам постоянно предлагают огромные суммы денег. Разве не представилось бы больше возможностей для учебы, если бы мы использовали эти деньги для ведения хозяйства?»

Развивая свое собственное понимание

Как принято у суфиев, он велел мне уйти и самому поис-

кать возможные ответы, а затем, когда я их найду, вернуться и таким образом выяснить, не задаю ли я пустые вопросы. Три или четыре недели ушло у меня на то, чтобы выполнить его задание.

Сначала я записал все возможные соображения, которые мне пришли в голову, затем стал бродить вокруг и присматриваться, как делаются дела, изучая жизнь через жизнь, пока не пришел к ответам. Вот они, и, предлагая их, я не делаю вам никакого одолжения, поскольку если бы вы нашли их сами, то приобрели бы больше. А так мне придется дать вам возможность изучить нечто равноценное, но иным способом.

Некоторые люди предлагают деньги взамен действия, и им нужно усвоить, что их служение нуждается в большем смирении. Поэтому ради их собственного блага деньги у них не берут. Другие дают или предлагают деньги, и их подношения принимаются, но как они будут использованы, решает только учитель; ученики же, поскольку они пришли учиться, просто не способны предлагать программу занятий или организационную структуру.

К тому же иметь рабочую структуру в нашей деятельности означает, что люди могут научиться вещам, которые нельзя освоить в обычном мире и которые жизненно важны для развития способности постигать понятия и переживания из области сверхфизического. Например, если вы хотите добиться чего-то в обычном земном понимании, вам, вероят-

но, потребуется иерархическая система. Это, в свою очередь, позволит некоторым индивидам проявить присущее им властолюбие, иногда глубоко в них спрятанное. Как вам удастся улучшить таких людей, если вы фактически поддерживаете эту тенденцию? Вам приходится работать с имеющимися в наличии людьми и потому определенного рода организация должна предоставлять возможности для развития положительных человеческих качеств и отмирания отрицательных.

Этого нельзя сделать в атмосфере, где для осуществления тех или иных дел используется грубое топливо (алчность, надежда, страх), годное лишь для того, чтобы принудить людей к действию и поддерживать их деятельность во внешнем мире. К тому же некоторые ученики, когда у них берут деньги, могут в глубине души вообразить, будто они что-то «купили». Это лишь подстегнет их претензии. Или, напротив, человек начнет чувствовать, что не тащит свою ношу, а просто купил себе проезд, что также никому не принесет пользы.

Далее, всегда есть люди, предлагающие деньги, и, когда вы их берете, они полагают, что вы собираетесь использовать их для себя. Людей не следует ставить в положение, способствующее развитию их худших качеств, в данном случае – подозрительности. Одно дело – создать ситуацию, в которой человек может наблюдать свои нежелательные качества, и совсем другое – произвести такую, в которой он, имея эту подсознательную червоточину, возможно, никогда не выявит ее.

В результате человек становится не лучше, а хуже. Иску-

шать человека таким образом, подобно скрытому моральному шантажу, как, например, когда вы принимаете обличие святого, чтобы заставить людей чувствовать к вам уважение или их собственную неполноценность. Между прочим, именно по вышеупомянутой причине суфии отказываются использовать нравственные увещевания как способ давления на людей. Данный принцип согласуется с современными открытиями в психологии, хотя на протяжении всей истории он очень мало понят в большинстве культур, и это основная причина продолжающегося в мире лицемерия.

Противоречивые тексты

Вопрос: Некоторые суфийские тексты учат, что человеку следует быть дисциплинированным и преданным своей цели, другие – что ему следует быть критичным и беспристрастным. Как примирить эти крайности?

Все ли линии прямые?

Ответ: Точно так же, как, скажем, в математике, когда спрашивают: «В одной книге сказано, что все прямые углы содержат девяносто градусов, но Эйнштейн утверждает, что прямых линий нет, все линии кривые, следовательно, не *существует* прямых углов». Вы смешиваете два подхода к одному и тому же предмету, а они зависят от контекста, в котором рассматривается предмет, или от степени продвинутойности ученика, или от того и другого.

Если ученик не в состоянии усвоить как послушание, так и критическую позицию, как линейное, так и целостное мышление, он будет не в состоянии воспринять то, что должно быть воспринято. Шабистари подчеркивает это, наставляя своих слушателей быть гибкими и находить путь между крайностями и противоположностями: «Ищущий всегда балансирует между отрицанием и верой».

Ментальный навык – использование и злоупотребление

Привычный образ мыслей (ментальный навык) – один из полезнейших и в то же время бесполезнейших инструментов для решения проблем. Выбирая правильный подход, вы можете решить проблему. Но если вы не способны выбрать, а только подчиняетесь ему, наверное, вы не используете для достижения данной цели свои лучшие привычки.

Для современного мышления стало привычным предположение, что дисциплинированный подход способен решить все проблемы. Это представление соседствует со своей противоположностью: соблазнительным, но столь же предвзятым убеждением, будто, освободившись от оков дисциплины, человек обретает прозрение. В истории о мотыльке и пауке, названной «Научный прогресс», из моей книги *«Волшебный монастырь»* можно увидеть, почему ни один из этих подходов, когда его принимают как обеспечивающий решение, не принесет успеха, если в нашем мышлении доминирует либо механический, либо непоследовательный ход мыслей.

Именно потому, что книги и тексты, описывая необходимое, не говорят, когда оно должно стать необходимым, будущий суфий нуждается в руководстве. Поразмышляйте над пословицей: «Если человеку суждено жить, словам придется

умереть».

Самообман

Вопрос: Не могли бы вы пояснить на примере какое-нибудь болезненное явление?

Ответ: Несомненно, большинство людей может это сделать.

По моему мнению, весьма болезненно иметь дело с людьми, которых вы хотели бы учить, тогда как они, притворяясь, что ищут знания, желают лишь социальной общности, дружбы, «единства душ», внимания и тому подобного.

Все эти вещи сами по себе достойны восхищения, и они тем более восхитительны, когда их добиваются осознанно, а не посредством обмана. Притворяться, что учишься, в то время как ищешь стимулы, — значит, обманывать себя.

Такие люди, возможно, способны учиться. Но им препятствуют в этом поверхностные цели. Их приучили удовлетворяться тривиальными вещами и давать им возвышенные названия. С другой стороны, возможно, в них еще не утихли детские страсти. Как сказал Руми: «Когда вы прекратите домогаться орехов и изюма?»

Это состояние иногда так глубоко укореняется в человеке, что он теряет способность осознавать его применительно к своим намерениям и целям.

Преодоление низших устремлений

Суфии встряхивают людей от этого «сна». Такие толчки часто переживаются болезненно, но только до тех пор, пока они не дадут своих плодов. И тогда мы чувствуем благодарность за подаренную нам возможность испытать их. А вот то, что на самом деле разрушает человека, не обязательно сопровождается болезненными ощущениями. Самообман – одно из таких явлений.

Когда мы изучаем нечто реальное, низшие цели как правило исчезают, так же как и болезненные ощущения, вызванные критикой наших низменных забот. Как говорит шейх Газур-и-Илахи в книге «*Irshadat*», если совершенствование, осуществляемое посредством суфийского метода, проникает глубоко в человека, несовершенство мышления, лишенное всяческой опоры, исчезает, .

Вопрос не в том, куда вы движетесь или вступили ли вы в группу. Вопрос в том, были ли вы правильно обучены тому, как нужно учиться.

Дом и господин дома

Баязид Бистами подчеркнул различные уровни восприятия Истины, когда сказал, что, в первый раз посетив Каабу в

Мекке, он увидел Каабу. Во второй раз он увидел Господина Каабы. В третий раз Баязид уже ничего из этого не видел: ни Каабу, ни Господина Каабы.

Путешествия на Восток

Вопрос: Вы хотели бы, чтобы мы отправлялись на Восток или вступали в суфийские группы?

Ответ: Я сказал и написал о суфизме и суфиях столько, что некоторые люди воображают, будто я стараюсь повлиять на них с тем, чтобы они присоединялись к культу или религиозной группировке.

В действительности, как я сейчас объясню, я считаю для себя невозможным предпринять подобную кампанию.

Слушая и читая то, что мне необходимо было рассказать о суфиях, орды религиозно настроенных людей ринулись на Восток и приобшились к зачастую гротескным вариантам суфизма. С наименьшей прытью толпы любопытных и алчных бросились в объятия гуруистских культов на Западе.

Этого избежали те, кто не читал моих книг, те, кто хочет узнать побольше о суфизме, и те, кто вообще не интересуется подобными вещами.

Предпринятая мной операция оказалась весьма успешной, но эта ее часть имела для большинства не больше значения, чем любое другое средство, предназначенное для сортировки вещей или людей.

Цель и место назначения

Незатейливая прогулка по Востоку приводит к тому, о чем повествует следующее двустишие: «Два узника взглянули сквозь решетку на окне//Один увидел грязь, другой – созвездья в вышине». Что значит быть путником, не говоря уже о цели и пути? Шейх Саади напоминает нам: «Боюсь, что ты не достигнешь Мекки, о путник, ибо ты на дороге, ведущей в Туркестан!»

Мужайтесь, ибо склонность блуждать в поисках знания и отправляться в далекие края (якобы за знанием, но в действительности, чтобы просто находиться в движении) – чисто человеческая склонность. В моей книге *«Сказки дервишей»* приводится множество примеров этого свойства и его последствий, а также рассказов о том, как снова и снова оно возникало в жизни классических суфиев и их учеников.

Поэтому прежде всего нужно установить, кто именно намерен предпринять путешествие на «Восток», когда он хочет ехать, с кем – если он едет не один, – и куда.

Люди скорее рискнут отправиться на Восток и ничего там не найти, не зная, как построить путешествие, чем возьмут на себя труд осознать желание своего сердца.

Можете ли вы ждать 150 лет?

Слышали ли вы о том, как Мулла Насреддин, услышав, что некоторые попугаи живут до 150 лет, купил молодого попугайчика, чтобы проверить, правда ли это?

«Приобщение к суфийским группам» вряд ли будет полезно человеку, находящему группы, к которым он волен «присоединиться» по собственному желанию, в отличие от тех групп, куда он может быть принят только после того, как вопрос о его присоединении будет тщательно изучен.

Прежде чем дать ответ, подразумевающий, что среди публично утвердившихся производных «орденов», «школ» или «учителей» вполне вероятно найти настоящую суфийскую группу, нужно знать, что такое «суфийская группа».

Разнообразие утверждений

Как я замечаяю, лишь немногие люди, судя по всему, – занимаются ли они в группах, путешествуют на Восток или же участвуют в чем-то еще, – принимают во внимание широкий диапазон суфийских утверждений.

Одно из них, которое стоило бы изучить более глубоко, прежде чем искать, – совет просветленного Мумшада Дин-

вари⁷.

«Вы учитесь, – говорит он, – общаясь с реализовавшим себя учителем. Но вы можете ничего не получить от такого человека, если привносите в свое ученичество чувство личной гордости».

Широко распространенное непреодолимое желание делать то, к чему ты не пригоден, предполагая при этом, что выбрал правильный образ действий, прослеживается повсюду и во все времена.

Безногий вор

В современной прессе особенно хорошо видно, как эта тенденция проявляется в человеческом поведении. Вот пример, выбранный почти наугад. Он иллюстрирует поведение, лежащее в основе таких начинаний, как необдуманное приобщение к группам или путешествия на Восток. Является ли этот феномен продуктом духовных устремлений или результатом полного скудоумия, возведенного в достоинство?

Грабитель, проникавший в дома через крыши и совершивший по меньшей мере сорок одну кражу, был пойман и доставлен в суд. Пойман он все же был, несмотря на величайшую ловкость, так как оказалось, что у него нет ног, ко-

⁷ Записано в *Tadhkirat al-Awliyya* Фаридуддином Аттаром.

торые были ампутированы несколькими годами ранее⁸.

⁸ *Daily Telegraph* (London) 1977. 9 September. P. 19, Col. 3.

Как выглядит суфийский учитель

Вопрос: Как, по мнению суфиев, следует выглядеть учителю в глазах учеников?

Кирпич и дом

Ответ: Этот вопрос, как и многие другие, на которые согласно предположению многих людей можно с пользой ответить в нескольких словах, напоминает мне историю о Мулле Насреддине. Кто-то спросил, на что, по сути, похож его дом. В ответ Мулла принес человеку кирпич, сказав: «Это просто набор таких вот штук». То, что глупец делает, может быть, не сознавая собственную глупость, мудрому человеку, возможно, приходится делать или говорить, чтобы продемонстрировать, как необдуман вопрос.

Разве можно сказать, как должен выглядеть учитель? Самое большее, что можно сделать, – высказать несколько замечаний на эту тему.

Более всего людей с обусловленным отношением к суфиям озадачивает то, что суфийские деятели, в отличие от учителей другого рода, отказываются придерживаться одного типа внешности. Например, суфийский святой может выглядеть, говорить или действовать совсем не так, как ожидается от мистического мастера. Сам он даст этому такое объясне-

ние: «Учить можно методом, показанным для каждого конкретного ученика, и, вполне возможно, что метод, который будет избран, самому ученику будет казаться наименее вероятным»; или же суфийский эксперт скажет так: «Есть время, и место, и определенное общество. Мы учим в соответствии с этими условиями. Когда наступает время быть серьезными, мы серьезны. Когда приходит время работать посредством того, что выглядит как обычное, мы так и поступаем».

Этот урок столь важен, что, можно сказать, предшествует всем другим: в том смысле, что если его не усвоить, то, возможно, вы не сможете учиться дальше, в результате чего так и останетесь прикованными к внешнему облику лицемеров. В том числе, конечно, и бессознательных лицемеров.

Если суфии правы, утверждая, что время влияет на поведение и внешний вид и что даже темперамент человека должен меняться, то для нас должно стать совершенно очевидным следующее: все люди, культивирующие благочестивую внешность, и все те, кто уже создал для себя такой образ, полагая, что это и есть духовность, заблуждаются.

Сталкиваясь с подобным невысказанным противоречием, люди, жаждущие продолжения одного и того же и узнаваемой внешности обучающего персонажа, уже не способны принять перемены в обстоятельствах и позициях, как того требует суфийский Путь.

Такие люди, конечно, не захотят обдумать этот вопрос должным образом. Они знают только одно: «Святой должен

выглядеть святым»; или: «Если он всегда ведет себя одинаково или всегда призывает меня к одному и тому же, я верю, что, возможно, он прав».

Другая проблема состоит в том, что наблюдатель путает, ибо обречен путать, постоянство и последовательность с надежностью или истиной, не понимая разницы между ними. Поскольку одинаковое на вид масло всегда имеет один и тот же вкус, он ожидает такой же «надежности» от своего духовного учителя. Основываясь на подобном предположении, он обманывает себя.

Позиция приверженцев внешнего состоит в том, что их внутренние устремления направлены на поиски аккуратности, порядка. Это не духовная деятельность, а скорее терапевтическая. Порядок необходим для неуравновешенных, беспорядочных людей. Ошибочно считать его главным фактором и искать в области «эзотерического».

Пытаясь создать то, что для них представляется порядком, из беспорядочной, как они воображают, суфийской традиции, они приходят к чрезмерным упрощениям. Отбрасывая определенные части учения, они создают имитационный суфизм.

Поскольку множество людей страстно желают порядка, то можно обнаружить в этой области больше подражания, чем реальности. Нельзя никого винить за это, но, указав на факты, можно помочь делу.

Каким следует быть учителю

Никто не высказался по этому поводу лучше, чем Ибн ал-Араби: «Люди думают, что учителю следует творить чудеса и показывать просветленность. Но от учителя требуется лишь обладать всем тем, в чем нуждается ученик».

За внешним

Чтобы обладать тем, что требуется ученику, учитель должен быть человеком, который проскользнул за пределы внешнего и реализовал свое сокровенное «я», перешагнув через барьеры, возведенные привязанностью ко вторичным факторам. Он реально существует и осознает свое существование. Как говорит Ибн ал-Араби: «Абсолютное существование – источник всего существования».

Халладж, указывая на эту особенность реализованного индивида, сказал так: «Я есмь Реальность, ибо я не перестал быть реальным – через реальное существование».

Суфийским учителям, достигшим соответствующих стадий, когда вокруг них, без всякой попытки с их стороны произвести впечатление, происходят странные вещи, обычно называемые чудесами, приходится уравнивать воздействие этого феномена. Иначе люди будут тянуться к ним

или вообще к суфиям, побуждаемые жаждой чудес.

Луковая лавка

Примером тому может служить случай, когда у великой женщины-суфия Рабийи в доме не оказалось овощей и она упомянула об этом. Неожиданно связка лука упала, как всем показалось, с неба, и присутствующие восторженно закричали о божественном благословении.

Обращение в веру с помощью чудес, как осознала Рабийя, относится к сфере эмоций и, по сути, не связано с духовной реальностью. Поэтому она произнесла свою знаменитую фразу: «Чудо, говорите вы? Что же, по-вашему, мой Господь открыл торговлю луком?»

Книги и за пределами книг

Вопрос: Как совмещаются, если вообще такое возможно, суфийская книга и суфийское учение за пределами книг?

Ответ: Многие люди говорят, что не могут учиться по книгам.

Инструментальная функция

Конечно же не могут, ибо сначала им нужно научиться тому, что при правильном руководстве они могут учиться по книгам или у кузнечиков, или у чего угодно.

Книга для суфиев – инструмент в той же степени, что и носитель информации.

И информация, и действие необходимы.

Учитель – своего рода ключ.

Если он говорит: «Читайте эту книгу», то вам следует читать ее.

Если вы отвечаете: «Я не могу учиться по книгам», – то вы на самом деле отвергаете его обучение.

Стоит ли удивляться, что вы ничему не учитесь, когда сами отказываете себе в учении.

Вы, возможно, один из тех, чья трудность состоит в нежелании учиться, и ваши слова: «Я хочу учиться» – способ

уклониться от всякого обучения, своего рода магическое заклинание.

Ни один настоящий учитель не спутает человека, который лишь говорит «Я хочу учиться», с тем, кто несомненно этого хочет.

Вот почему столь многим людям необходимо пройти через стадии, которые покажут им, что их состояние (хотя они утверждают, что хотят учиться и не могут найти материалы) – неподходящая основа для обучения.

Реальность и потенциальные возможности

Человеку необходимо понять, как увидеть себя таким, каков он на самом деле есть, если он хочет чего-то достичь в области, называемой «кем бы он мог стать».

И здесь опять же именно учитель знает, что показано для его ученика: нужно ли ему развиваться линейным или другим способом. Как говорит Ходжа Хан, непосредственное знание за пределами книжного изучения, или таинство единения традиционно преподавалось духовной элите, в то время как обычных людей обучали Святому закону (*Shariyya*, или *шариат* ислама) – то есть линейному знанию. Таким образом, ограниченные могли подниматься с помощью дисциплины *шариата*, а элита была в состоянии нисходить к Закону посредством Истины непосредственного восприятия.

Согласно суфиям, есть только одна Сущность, Реальность

(*Haqq* = Истина). Из нее произведено внешнее, Форма, которую Ибн ал-Араби в книге «*Fusus al-Hikam*» и других работах называет *Khalq* – сотворенное, относящееся к вторичному. Принимать вторичное за первичное стало уже привычным, и человечеству следует учиться, как избегать этого. Но, живя в царстве вторичного, то есть в «мире», человечество должно изучить ценность и ограничения этого вторичного, явленного. Данные ограничения означают, что производные вещи ничем не могут помочь человеку сверх определенного предела. Ценность вторичного – те случаи и обстоятельства, в которых оно может быть обращено ему на пользу, и способ, как это сделать.

Ценность относительного

Высказывание «Относительное – канал к Абсолютному» (*Al-majazi qantarat al-Haqiqa*) содержит в себе это утверждение. Опыт подсказывает суфию, как обращаться со вторичными факторами, и, следовательно, дает ему возможность учить.

Суфийское обучение посредством книг или с помощью схоластических методов, применяемых, чтобы показать их нелепость или ограниченность, было однажды продемонстрировано Шакиком из Балха, когда его посетил в поисках мудрости Харун аль-Рашид.

Цена халифата

При всем своем величии халиф нуждался в уроке, который открыл бы ему относительную природу власти и собственности. «Проси меня о милости», – сказал он.

Шакик спросил его, отдаст ли он половину своих владений тому, кто предложит ему глоток воды, если он будет умирать от жажды в пустыне.

Харун сказал, что отдаст.

И, продолжал суфий, отдаст ли он вторую половину тому, кто поднесет ему эту воду, если он не сумеет до нее дотянуться.

Харун сказал, что отдаст.

Тогда Шакик попросил халифа подумать, почему он так ценит свой халифат, если его можно отдать за глоток воды, которая тоже с ним не останется.

Люди, подобно халифу, предполагают, что у них есть что-то ценное, и, что отдавая часть этого, они могут приобрести нечто еще более ценное. Они также склонны предлагать не то, от чего им надо бы освободиться, но то, с чем они сами выбирают расстаться, поскольку желают этого.

Подобный подход лежит в основе торговли и приносит действительно желаемые плоды, если торговлей и ограничивается. Отсюда также происходит желание человека самому определять свои занятия, свой собственный путь: «Проси

меня о милости», как выразился халиф.

Но, как никогда не устают повторять суфии, Путь предъ-являет свои собственные требования, тогда как человек хотел бы делать то, что, скорее всего, могло бы ему помочь в продолжении пути, по которому он и так уже идет и отнюдь не склонен идти в другом направлении, способном вывести за пределы свойственных ему ограничений. Поскольку суфийские занятия кажутся непохожими на обучающие структуры, знакомые большинству людей, многие воображают, что эти мероприятия должны проводиться совершенно бессистемно. Стоит прислушаться к тому, что сказал об этом Афтаб-уд-Дин Ахмад в своем Введении («Суфизм как наука») к переводу произведения Джилани *«Futuh al-Ghaib»*:

Суфизм как наука

«Слово “мистицизм” (употребляемое в английском для классификации суфизма) окружено неясной атмосферой, тогда как *tasawwuf* (суфизм) – это настоящая наука со своими установленными законами и подробной программой. Она основывается на осязаемых опытах, которые могут быть воспроизведены, как в любой другой науке, при определенных условиях. Каждый паломник в своем духовном путешествии должен пройти через одни и те же стадии, и эти стадии легко распознать по их подробным описаниям, которые давались всеми мастерами в единодушном согласии. Ориентиры и ло-

вушки описаны с равно исчерпывающими подробностями. Точно так же, как в курсах любых других наук, в суфийской системе есть методы проверки успехов и достижений ученика. В этой области знания, как и в любой другой, есть свои гении, достигшие сенсационных результатов, известных всему миру...»⁹

Искаженное послание

Суфийские учителя пользуются книгами и другими средствами массовой информации очень избирательно. Иногда первоначальное послание искажено до такой степени, что определенные его книжные версии и вовсе не используются. Например, в некоторых переводах, даже выполненных специалистами, содержатся смехотворные ошибки. Такого вида искажения встречаются где угодно, и исправить дело может только руководитель.

Передача новостей

Спустя несколько часов после смерти короля Саудовской Аравии Файсала, Би-би-си передала запись волнующего сообщения саудовского радио о злодейском убийстве. Уж это, как можно себе представить, надежная информация. Но у

⁹ Aftab-ud-Din Ahmad: *Futuh al-Ghaib*, Lahore: Ashraf 1949. P. ix.

Би-би-си вышла одна небольшая неувязка с этой важной новостью: на самом деле они передали радиокomentarий последней минуты поединка Али с Вепнером в Кливленде, Огайо, на чешском языке. Когда читаешь некоторые «суфийские» материалы, они звучат точно так же...

Святость

Вопрос: Не могли бы вы сказать что-нибудь о святости и суфийских учителях?

Ответ: Люди, которые полны неумемного стремления отыскивать суфийских учителей, желающие стать либо их последователями, либо опровергать их в дискуссиях и вообще вступать с ними в те или иные отношения, менее всего способны распознать или найти их.

Причина в том, что такие личности обычно ищут одержимых: людей, просто неспособных воздержаться от поведения, которое двадцать четыре часа в сутки заявляет об их святости.

Те же, кто ведет обычную жизнь или лишены внешних знаков святости, не попадают в поле зрения этих искателей.

Противоположный подход имеет большую вероятность оказаться правильным. Люди, показывающие своим поведением, внешними атрибутами или иным образом, что к ним следует относиться как к авторитетам, на деле обычно поверхностны.

Во всех ветвях эзотерической деятельности, включая суфизм, «внешняя святость» означает одно из трех:

1. Люди, приверженные внешнему, изображают святость.

2. В результате внушения и одержимости люди приобретают внешние признаки святости.

3. Люди сознательно принимают облик святых в качестве временной или поверхностной меры, чтобы обратить на себя внимание тех, кто может воспринять только такой аспект святости.

Задача учителя и ученика состоит в том, чтобы выйти за пределы внешнего сколь возможно быстро и всецело.

Служение

Именно об этом писал Саади из Шираза в своем произведении «*Бустан*» («Фруктовый сад»):

Путь – не что иное, как

служение людям:

Он не в четках, не в молитвенном коврике

и не в дервишеском одеянии.

Кто такой святой и что он делает?

Святость, которую поборники внешнего отождествляют с тем, что так часто оказывается чем-то поверхностным и внешним, заключается, как напоминает нам Саади, в служении людям. Ищущих святости должно принимать всерьез,

только если они при этом заняты служением человеку.

Святость, «быть святым», как правильно замечает доктор А. Е. Аффифи, согласно суфийскому знанию «не означает праведность, или благочестие, хотя такие качества могут быть по случаю обнаружены у святого... Любой человек святой... если он обладает “гнозисом” (высшим знанием) в такой степени, что это позволяет ему понять его точное отношение к Богу (Реальности) и переживать собственное существование как всего лишь манифестацию Всевышнего, осознавая свое неотъемлемое единство с Единой реальностью. Иначе говоря, человек свят, если он, по словам Ибн ал-Араби, “Совершенный человек”...»

Знание и поведение

Святость – не в чудесах, не в напускной набожности. Она испытывается знанием. Люди спрашивают: «Может ли знание быть столь же высоким идеалом, как поведение и вера?» Суфийский ответ: без знания нет уверенности, что поведение правильное, и нет гарантии, что вера настоящая. Подлинная религия и действительно правильное поведение складываются не в результате простого принятия местных культурных норм без их проверки на опыте, а через познание, что такое религия и что следует и чего не следует делать.

Суфии постоянно утверждали, что знание согласуется с праведностью и общепринятым поведением, а не с их под-

делками, составляющими самую суть так называемых «хороших» людей, обманывающих себя.

Святость, если под ней мы подразумеваем внешнее, включая мнимые чудеса или воздействие, которое кто-то оказывает на других людей, заключающих на этом основании, что он является святым, такая святость – целиком субъективна и вообще не может быть названа святостью в суфийском смысле.

Предпочтение собаке

Как сообщает Аттар в своем произведении «*Musibat-Nama*» («Книга скорби»), Баязид Бистами, прогуливаясь по улицам с несколькими последователями, воспользовался случаем продемонстрировать недостатки подобных поверхностных суждений.

Навстречу им шла собака, и Баязид уступил ей дорогу. Один из учеников подумал, что здесь что-то не так: Баязид – великий святой, окруженный учениками, снискавший высокое положение, а собака – в конце концов, всего лишь собака.

Баязиду стали ясны чувства этого человека, и он объяснил следующее.

Собака, завидев приближающихся к ней людей, мысленно сообщила Баязиду, что сама она, должно быть, грешна, поскольку была создана животным, тогда как он, великий че-

ловек, идущий ей навстречу, конечно же святой, поскольку смог явиться в такой великолепной и благородной форме.

«Именно благодаря тому, что у нее возникла подобная мысль, – сказал Баязид, – я уступил ей первенство».

Тайное

Вопрос: Создается впечатление, что ни одна традиционная психология или занятия в этой области не обходятся без концепции тайн и секретности. Почему так и какова природа подобной скрытности?

Ответ: Среди суфиев технический термин «тайна» применяется для обозначения «глубочайшего внутреннего сознания человека», и именно в таком значении понимается этот термин в авторитетных источниках. Далее среди людей традиционных духовных систем общеизвестно, что идея «тайны» меняет свой смысл и акцент соответственно состоянию каждого человека.

Вот некоторые примеры.

Стимуляция

(1) Есть люди, явно захваченные и подстегиваемые самой идеей секретности, что выдает их жгучее любопытство и страсть к сенсациям, и суфий, например, знает, как с ними поступать. Вполне возможно, что, оставаясь простыми любителями тайн, они лишают себя иных возможностей.

Источник энергии

(2) Идея «тайны», если человек займет по отношению к ней правильную позицию, иногда может стать источником энергии, так как для него она будет связана с открытием или достижением чего-то дорогого и ценного. Среди суфиев этому обстоятельству придавал особое значение Ибн ал-Араби.

Уединенность

(3) Таинственность часто путают с чем-то глубоко личным, с уединенностью; когда люди на чем-то сосредоточены, им необходимо уединиться, чтобы им не мешали.

Относительность

(4) Слово «тайное» иногда означает, что нечто не готово быть открытым или что оно на время «скрыто» от кого-то по веской причине: возможно, потому, что нельзя нарушать ход некоего процесса, обеспечивающего соответствующими результатами.

Многое из того, что называют «тайным», сокрыто от людей до времени, пока они не смогут понимать или эффективно переживать его.

Настойчивое требование «тайн» или нечто равносильное этому (неосознанное желание тайного) – чисто человеческая черта, окрашивающая почти все поступки и стадии взросления индивида, и эта склонность отнюдь не ограничивается эзотерическими областями. Если вы сводите ваше понимание тайного к грубому объяснению, скажем, считая, что от вас хотят что-то скрыть, вы тем самым показываете недостаточную гибкость и чуткость и непонимание «тайных» граней тонких и трудноуловимых вещей. Многие «тайны» можно сохранить, отрицая все тайное, либо, как часто поступают суфии, изображая из себя обычного человека. Преимущество такого поведения в том, что суфию уже не нужно избегать искателей тайн или бороться с ними: они считают его слишком поверхностным или «заурядным».

Проникновение в смысл

Одна из «тайн» суфиев – их умение пробуждать в людях понимание истин, которые содержатся в опыте и в литературе, но многими отрицаются из-за барьеров, возведенных привычкой или субъективными эмоциями.

В своей книге *«Бустан»* Саади говорит: «Дверь просветления открыта для тех, для кого закрыты другие двери». Другие двери суть интеллектуализм, убежденность, что собственные идеи открывают двери, и, наконец, чисто схоластические или просто системные подходы, лишённые внутрен-

ней проницательности, очищающей ум от хлама.

Тайна тайны

Суфийский парадокс: «Тайна суфизма в том, что в нем нет ничего тайного» означает, что все, что кажется тайным и скрытым для обычных людей, не достигших суфийской реальности, для суфия становится понятным и пережитым и потому перестает называться тайной.

Слово «*Sirr*», которое обычно переводят как «тайна», означает в терминологии суфиев «глубочайшее внутреннее сознание». Так что, если глубочайшее внутреннее сознание неведомо его обладателю, оно остается для него «тайной». На вербальном уровне сознание по определению не может быть воспринято, на него можно только ссылаться, поэтому оно остается чем-то «тайным», «скрытым».

Одна из способностей суфиев состоит в том, что они могут видеть сквозь внешний облик и самообман людей и, таким образом, в состоянии научить этих узников вторичного «я», как добраться до реальной «тайны», до глубочайшего внутреннего сознания, сокрытого внутри них.

Турчанка

Юсуф ал-Рази продемонстрировал подобную способность

читать мысли и то, как другим недостает ее и они судят по внешним признакам. Об этом случае сообщается у Аттара в его книге *«Повествования о друзьях»*.

Рассказывают, что однажды персидский купец, собравшийся в путешествие, попросил Хири позаботиться о турецкой девушке. Хири страстно влюбился в молодую особу и, не зная, как быть, решил обратиться за помощью к своему учителю Абу Хафсу, кузнецу. Абу Хафс велел ему отправиться в Райи и искать совета великого суфия Юсуфа ал-Рази.

Когда Хири прибыл в Райи и спросил, где жилище мудреца, ему сказали, чтобы он сторонился этого еретика и вольнодумца. Поэтому он вернулся в Нишапур и рассказал обо всем Абу Хафсу, но тот велел ему не обращать внимания на людские толки и снова отправиться к ал-Рази.

Хотя жители Райи его отговаривали, он разыскал ал-Рази. Ему предстал старец в обществе прекрасного юноши, подносившего ему чашу вина.

Хири был поражен и потребовал объяснения, как столь уважаемый созерцатель может так себя вести.

Тогда ал-Рази рассказал, что юноша – его сын, в винной чаше – только вода, а саму чашу он где-то подобрал. Такова реальность его состояния, принимаемого всеми за разложение.

Но теперь Хири хотел узнать, зачем суфий избрал такое поведение, которое можно легко истолковать как аморальное.

Ал-Рази сказал: «Я избрал его, чтобы люди не обременяли меня прекрасными турчанками».

«Нельзя учить по переписке»

Передо мной пакет обезвоженного лука.

Предположим, сухие луковичцы символизируют что-то написанное. Конечно, это не изначальное переживание (лук), однако назвать их чем-то совершенно бесполезным тоже нельзя. В них содержится виртуальная сущность.

Добавьте горячую воду, и сухой материал впитает ее. Через несколько минут мы получим то, что, как мы знаем, было сушеным луком, но сейчас уже им не является. Теперь у нас есть «восстановленный лук».

Да, конечно, это не целая и отнюдь не свежая луковичка. Но у нас есть нечто, что даст нам возможность узнать свежий лук, когда мы увидим и попробуем его. Таким образом, мы продвигаемся вперед, оттолкнувшись от сушеного лука.

Свежий лук – исходный опыт. Вода – добавка, внесенная правильными условиями занятий. Результат (т. е. восстановленный лук) съедобен и может служить подходящей заменой свежего лука. Он также обладает питательными свойствами.

Те, кто говорит: «Ничего нельзя приготовить из сушеного лука», иными словами «Ничего нельзя получить из книг», заблуждаются. Те, кто говорит: «Я буду ждать (или искать), пока не найду свежий лук», – заблуждаются. *Они заблуждаются, так как не понимают, что, даже увидев «свежий лук», не узнают его.* Я говорю об этом с большой неохотой,

поскольку такие утверждения обычно воспринимаются как вызов, тогда как прежде всего они просто описывают явления.

Поэтому давайте исходить из утверждения: «*Можно* получить что-то из книг. Это что-то может быть столь важным, что приведет к узнаванию реальной вещи. Соответственно, во многих случаях оно имеет первостепенное значение».

Составляющие

Почему же люди воображают, что в книгах нет ничего такого, что и в «свежем» опыте? Объяснение очень простое: им невдомек, что, прежде чем они смогут что-нибудь получить, необходимы особые обстоятельства (такие, как вода, добавленная к кусочкам лука). В этом и заключается цель суфиев – снабдить нас как сушеным луком, так и водой, чтобы в надлежащее время можно было представить свежий лук.

Смирение

Почему в традиционных обучающих техниках человеку пробуют привить действительно «смирненное» отношение к жизни и учению? Потому, что таким образом ему дают возможность воспринять точку зрения, которая позволит «приблизиться к луку через любое его имеющееся в наличии со-

стояние».

Конечно, такие учения в неумелых руках быстро превращаются в моралистические. Вместо того чтобы разъяснять людям названные выше соображения, моралисты начинают выискивать всевозможные логические основания для проповеди терпения и смирения. Вскоре они находят их: «Смирение – на благо общества. Оно делает людей добрыми, чистыми и т. д.» Это, однако, социальный уровень, а не метафизический. Практика смирения способствует успеху в обычной жизни. При ее отсутствии вы ничего не получите и в высших сферах.

Когда люди не способны занять «смиренной» позиции по отношению к тому, что их приглашают изучать, они вообще не в состоянии овладеть предлагаемым материалом. Поэтому, когда люди спрашивают: «Почему мне следует повиноваться чему-то, чего я не знаю?», они полагают, что этот вопрос подлежит обсуждению. На самом деле он необоснован: всякий, кто находится на подобной стадии понимания, вообще *не способен* повиноваться или не повиноваться: он может лишь оставаться вечно недовольным вопрошателем. Он не хозяин выбора, таким образом, вопрос не имеет смысла и нет никакой надобности в ответе, разве что вы можете описать вопрошателю его состояние. Возможно, ему удастся осознать благодаря этому описанию свою проблему и соответственно скорректировать позицию.

Люди тем не менее в большинстве случаев принимают

вторичные указания за первичные, и суфийским учителям приходится учитывать эту склонность. Чтобы показать ограниченную природу мышления, помочь достичь более глубокого самопонимания и, следовательно, открыть более широкую перспективу, позволяющую учиться, мастер наносит потенциальному ученику заранее продуманный удар.

Такой удар описан в истории, рассказанной Баязидом Бистами.

Идолопоклонство

Баязид рассказывал, что на дороге его повстречал человек и спросил, куда он идет. Баязид ответил, что отправляется в паломничество в Мекку, так как у него есть двести динариев.

Путник сказал: «Обойди *меня* семь раз, и пусть это будет твоим паломничеством, потому как мне надо кормить семью».

Баязид сделал то, что он его просил, и вернулся домой.

Индивид, как правило, не приемлет подобных корректирующих моментов, ибо они граничат с признанием того, что его предыдущие схемы мышления неадекватны. Он ищет чего-то, что подкрепит его желание чувствовать свою значимость.

И легко находит соответствующие мировоззрения, наставников или организации, потому что в настоящее время почти все они специализируются – знают они это или нет – в

рассудительной лести. Даже если лесть чередуется с критикой, она остается лестью.

Это одна из причин, почему человеку так необходимо понять личные побуждения.

Обсуждаемая здесь тема о значении вспомогательных материалов, играющих роль катализаторов, содержит весьма важный момент, который читатель должен для себя отметить: изучение возможно через прямое спровоцированное восприятие. Такой вид изучения отличается от механических методов или занятий, выбранных по собственному желанию ученика, планируемых им самим или кем-то другим, не имеющим полного представления о том, в чем нуждается его подопечный.

Внешний вид и функция

Мы говорим здесь о функции, а не о внешнем виде. Есть интересная параллель с запомнившимся мне случаем, когда несколько формалистов расспрашивали Сиди Абу-Юсуфа о суфийских учителях. Его ответ раскрывает не только склад ума буквально мыслящих людей, но то, что подобное мышление мешает человеку войти в гармонию с реальностью.

Вопросы касались заявления того или иного суфийского представителя, озвученные им самим или кем-то от его лица, что именно он – верховный руководитель всех суфиев.

Абу-Юсуф сказал: «Это всего лишь метафора и не под-

разумеает никакого соперничества. Кроме того, подобные заявления не имеют отношения к иерархии в формальных организациях. Заявления такого рода не следует понимать в том смысле, что каждый из представителей притязает на положение главы всех суфиев. Они лишь означают, что суфийский учитель должен рассматриваться как глава и единственный источник мудрости для тех, кто следует его инструкциям. Данная роль не важнее роли любого учителя, призывающего учеников поддерживать состояние сосредоточенности и способности к учению, не отвлекая внимание на другие предметы, такие как, в данном случае, иерархия учителей. Реальные главы суфиев существуют и действуют в обычно невоспринимаемой сфере и в роли руководителей никогда не известны; хотя время от времени, чтобы выполнять свои миссии, могут представлять в любом облике, в том числе и как суфийские мастера.

Предпосылка к «смирению»

Во времена, предшествующие тому, что принято сегодня называть историческим периодом, осуществлялась деятельность познавательного характера, связанная с развитием человека. Деятельность эта охватывала область, лежащую за пределами современных методов получения и использования информации. Результат подобных усилий было принято называть «мудростью», хотя слово *мудрость*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.